

РАЗВОД: В ПОСТЕЛИ С ДЬЯВОЛОМ | ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

РАЗВОД В ПОСТЕЛИ С ДЬЯВОЛОМ

Ирэн Весёлая

Развод. В постели с дьяволом.

<https://litres.ru/74469153>

Аннотация

«Тринадцать лет я думала, что живу в раю, пока не заглянула под маску своего идеального мужа».

Тринадцать лет нашего брака были похожи на сказку: любящий муж Глеб, чудесная дочь, уютный дом. Я верила каждому его слову, каждой случайной «черной розе», которую он дарил мне тринадцатого числа каждого месяца. Я думала, это наша романтическая традиция. Я ошибалась.

В день нашей «кружевной» свадьбы завеса рухнула. Я узнала, что мой «скромный» муж — мультимиллионер с ледяным сердцем, а наша жизнь — лишь часть его жуткого ритуала. Я застала его с другой в нашей постели, но вместо оправданий услышала: «Ты никуда не уйдешь. Ты принадлежишь мне по праву договора».

Он называет себя дьяволом и уверен, что сломал мою волю. Он объявил меня сумасшедшей и отобрал всё, кроме моей гордости. Но он забыл одно: я реставратор. Я умею восстанавливать то, что другие считают хламом. И я отреставрирую свою жизнь, даже если мне придется пройти через ад.

А когда на моем пути встал Никита Севастьянов — человек, которого мой муж боится больше огня, — я поняла: пришло время расторгнуть сделку. Без права на прощение.

В тексте вас ждут: Измена, которую невозможно простить; Сильная героиня, теряющая всё, кроме стержня; Властный и опасный антагонист, возомнивший себя богом; Настоящий мужчина, готовый стать её щитом; Тайны прошлого, от которых стынет кровь; Мистическая атмосфера и загадочные совпадения; Очень эмоциональный и справедливый Хэппи-Энд!

Развод — это не конец. Это только начало моей настоящей жизни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Глеб)	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6 (Глеб)	49
Глава 7	55
Глава 8	59
Глава 9	64
Глава 10	72
Глава 11	80
Глава 12(Глеб)	89
Глава 13	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1

Январское солнце в наших широтах — гость скупой и холодный. Его лучи, пробивающиеся сквозь морозные узоры на окнах сталинки, не грели, а лишь подсвечивали мириады пылинок, танцующих над кроватью. Я открыла глаза и по привычке коснулась ладонью соседней подушки. Пусто. Но простыня еще хранила тепло его тела, а в воздухе застыл едва уловимый аромат его парфюма — терпкий, с нотками сандала и чего-то стального.

Тринадцать лет. Ровно тринадцать лет назад я стояла перед зеркалом в дешевом съемном жилье, поправляя фату, и верила, что вытянула счастливый билет. Сегодня наш «кружевной» юбилей. Странное название для даты, которая у многих ассоциируется с несчастьем. Но для нас с Глебом число тринадцать всегда было личным талисманом.

Я поднялась, накинула тяжелый кашемировый халат и подошла к окну. На подоконнике стоял мой «пациент» — шкапулка карельской березы середины девятнадцатого века. Я провела кончиками пальцев по крышке. Дерево под моими руками всегда оживало. Реставрация — это не просто ремесло, это умение видеть правду под слоями вековой грязи, фальшивого лака и копоти. Если бы я только знала, что мою собственную жизнь тоже пора очистить от наслоений лжи.

Из кухни донесся приглушенный звон посуды и шипение

кофемашины. Глеб уже на ногах. Он всегда был образцом дисциплины: в меру строгий, подчеркнуто надежный, мой личный монолит в этом изменчивом мире.

Когда я вошла на кухню, он стоял спиной ко мне, изучая что-то в телефоне. На нем была свежая белая рубашка — я сама гладила её вчера вечером, тщательно разглаживая каждый шов. На столе, в центре нашей старой, но идеально чистой кухни, стояла ваза. Тринадцать черных роз.

Их лепестки казались отлитыми из бархата, глубокого, поглощающего свет цвета. Наша традиция. Тринадцатого числа каждого месяца, вне зависимости от погоды и обстоятельств, Глеб приносил мне эти цветы.

— С добрым утром, родная, — он обернулся, и на его лице расцвела та самая улыбка, в которую я влюбилась тринадцать лет назад. Спокойная, уверенная, собственническая.

Он подошел и обнял меня, прижимая к себе. Я уткнулась носом в его плечо, вдыхая запах дома.

— Тринадцать лет, Наташ. Ты веришь? — прошептал он мне в волосы. — Целая жизнь. И я бы прожил её снова, день за днем, ничего не меняя.

— Даже те моменты, когда нам не хватало на ремонт стиральной машины? — тихо рассмеялась я, отстраняясь.

— Особенно их. Трудности закаляют металл, — Глеб коснулся моей щеки. — Но сегодня я хочу, чтобы ты забыла об экономии. Я подготовил подарок.

— Глеб, мы же договаривались... — начала было я, вспо-

миная наш скромный бюджет менеджера страховой компании и мои непостоянные заработки реставратора. — Ольге нужны курсы рисования, да и машина просит техобслуживания.

— Ш-ш-ш, — он приложил палец к моим губам. — Сегодня — только мы. Пойдем в гостиную.

Он взял меня за руку и повел по длинному коридору. Наша квартира была моим личным проектом. Это был певый этаж, поэтому потолки были очень высокими, с лепниной, которую я восстанавливала по кусочкам, дубовый паркет, благородно скрипящий под ногами. Здесь всё пахло воском и историей.

В центре гостиной стояло нечто огромное, накрытое плотной серой тканью. Глеб замер, его глаза блеснули предвкушением.

— Я искал его почти год. Торговался, ждал, пока владелец созреет. Это зеркало из поместья князей Богдановых. Оно ждало тебя, Наташа.

Он резким движением сдернул ткань.

Я ахнула, не в силах сдержать профессиональный восторг. Это было произведение искусства. Массивная рама из темного, почти черного дерева — судя по весу и текстуре, эбен или мореный дуб. Резьба была невероятной сложности: виноградные лозы переплетались с какими-то фантастическими существами, их глазами служили крошечные вставки из обсидиана. Сама рама казалась живой, пульсирующей.

Но как профессионал, я тут же почувствовала холодный расчет в животе.

— Глеб... — я подошла ближе, касаясь кончиками пальцев холодного дерева. — Это зеркало... Оно стоит как половина нашей квартиры. На каких аукционах ты его нашел? Откуда такие деньги?

Муж подошел сзади и положил руки мне на плечи. В отражении я видела нас обоих: я — в домашнем халате, с растрепанными после сна волосами, и он — безупречный, сильный, возвышающийся надо мной.

— Я копил, Наташ. Подработки, премии, удачные сделки. Я хотел, чтобы в наш тринадцатый год ты смотрела в зеркало, которое достойно твоего таланта. Амальгама здесь оригинальная, серебряная. Оно не просто отражает, оно хранит свет.

Я смотрела в глубину стекла. Оно действительно было необычным. Отражение казалось объемнее, глубже, словно комната за моей спиной стала бесконечной. Но в самой раме было что-то... тревожное. Среди изгибов лозы я заметила символы, которые не вписывались в классический декор девятнадцатого века. Какие-то острые углы, знаки, напоминающие алхимические печати.

— Мам? Пап? Вы чего тут? — в комнату зашла Ольга.

Ей только исполнилось двенадцать, и она была в том колючем возрасте, когда любая эмоция родителей вызывала у неё либо скепсис, либо раздражение. Она стояла в две-

рях, прижимая к груди альбом для рисования. Её короткая стрижка была взъерошена, а на щеке виднелся след от фло-мастера.

— Посмотри, какой подарок папа сделал, — я позвала её к себе.

Ольга подошла, щурясь от яркого зимнего солнца. Она замерла перед зеркалом, и я увидела, как её лицо внезапно побледнело. Она не стала рассматривать резьбу или восхищаться возрастом вещи. Она просто смотрела в стекло.

— Фу, — она передернула плечами. — Оно... оно злое.

— Оля! — Глеб нахмурился, его голос стал жестче. — Что за фантазии? Это ценная антикварная вещь.

— Оно смотрит на меня, — упрямо повторила дочь, делая шаг назад. — У него внутри как будто глаза. Пап, убери его в другую комнату, пожалуйста. От него холодно.

— Просто оно еще не согрелось с мороза, — я попыталась сгладить углы, подходя к дочери. — Посмотри, какая работа. Это же шедевр.

Ольга ничего не ответила. Она лишь быстро набросала что-то в своем альбоме — я успела заметить контур глаза, окруженного острыми шипами, — и выскочила из комнаты.

Глеб тяжело вздохнул.

— Подростки. У них сейчас всё либо черное, либо белое. Ладно, мне пора. Вечером у нас заказан столик в «Вертинском». Будь готова к семи, хорошо? И... Наташа.

Он взял меня за подбородок, заставляя смотреть прямо в

глаза.

— Не пытайся его реставрировать сегодня. Просто привыкни к нему. Иногда вещам нужно время, чтобы принять новых хозяев.

Когда дверь за Глебом закрылась, в квартире воцарилась та особая тишина, которую я обычно любила. Время для работы. Но сегодня тишина казалась другой — вакуумной, плотной, словно зеркало всасывало в себя все звуки дома.

Я не послушалась Глеба. Я не могла. Как врач не может пройти мимо раненого, так и я не могла оставить вещь, покрытую слоем вековой патины и жирной пыли.

Я принесла из мастерской свой чемоданчик. Спирт, уайт-спирит, набор мягких кистей из беличьего ворса, ватные палочки и специальные растворители, рецепты которых я хранила в строжайшем секрете.

Я опустилась на колени перед зеркалом. Работа реставратора — это разговор с прошлым. Ты снимаешь слой за слоем, пробираясь сквозь десятилетия, пока не доходишь до первоначального замысла мастера.

— Ну, посмотрим, что ты скрываешь, — прошептала я, смачивая тампон в растворителе.

Я начала с верхнего правого угла рамы. Темный лак поддавался неохотно. Он был странным — слишком плотным, тягучим, с едва заметным запахом гари и... полыни? Странный выбор для покрытия.

Минуты складывались в часы. Я работала методично,

миллиметр за миллиметром освобождая дерево. И чем больше я очищала, тем сильнее становилось моё беспокойство. Под лаком обнаружились не просто узоры. Там были цифры. Тринадцать. Оно повторялось снова и снова, вплетенное в орнамент так искусно, что заметить его можно было только под определенным углом.

Мои руки начали слегка подрагивать. Я взяла увеличительное стекло. В одном из завитков лозы я обнаружила крошечное углубление. Похоже на замочную скважину, но такую маленькую, что ключ должен был быть размером с иголку.

«Я копил на него три года», — вспомнила я слова Глеба.

Я знала наш семейный бюджет до копейки. Мы откладывали на отпуск, на учебу Ольги, на новый холодильник. Свободных денег просто не могло быть. Даже если бы он не обедал все эти три года, он не смог бы купить эту вещь. Значит, он врал? Но зачем? Глеб никогда не врал мне в крупных вещах. Мы были командой.

Внезапно в комнате стало очень тихо. Даже шум машин с проспекта словно выключили. Я замерла, не убирая кисть от дерева. Мое внимание привлекли часы на каминной полке. Секундная стрелка задрожала, сделала рывок назад и... замерла.

13:13.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это просто совпадение. Старые часы, им давно пора в чистку.

Я подняла взгляд на зеркало. Моё отражение смотрело на меня. Лицо мастера — сосредоточенное, с пятнышком сажии на лбу, волосы стянуты в тугий узел. Я улыбнулась своему страху, решив, что пора сделать перерыв и выпить чаю.

Я начала медленно выпрямляться, опираясь рукой о край рамы. И в этот момент это произошло.

Отражение в зеркале не шелохнулось.

Я уже стояла, а женщина в зеркале всё еще сидела на коленях, сжимая в руке кисть. Это длилось всего секунду, может быть, меньше, но мой мозг, привыкший к анализу мельчайших деталей, четко зафиксировал этот «пинг», этот разрыв между реальностью и стеклом.

А потом отражение «догнало» меня. Оно дернулось, как в некачественном видео, и застыло в той же позе, что и я.

Сердце забилося где-то в горле. Я часто задышала, чувствуя, как комната начинает кружиться.

— Оля? — позвала я, и мой голос прозвучал чужо и тонко.

Тишина. Дочь, видимо, ушла к подруге или сидела в наушниках в своей комнате.

Я снова посмотрела в зеркало. И на этот раз я увидела не только себя.

В глубине отраженной гостиной, там, где у нас стоял тяжелый дубовый шкаф, была тень. Высокая, неподвижная фигура мужчины. Он стоял в самом углу, почти сливаясь с мебелью. На нем был длинный черный плащ или пальто, а лицо оставалось скрыто глубоким мраком.

Я резко обернулась.

Никого. Только пустой угол, пылинки в солнечном свете и тиканье... стоп, часы пошли снова.

Я снова посмотрела в зеркало. Фигура исчезла. Но в центре комнаты, прямо на ковре, лежало что-то темное.

Я подошла ближе. Это был лепесток одной из тех черных роз, что стояли на кухне. Он был свежим, влажным, словно его только что сорвали. Но ваза осталась в другой комнате за закрытой дверью.

Я подняла лепесток. Он обжег мои пальцы ледяным холодом. В этот момент зазвонил мой телефон, заставив меня вскрикнуть от неожиданности. На экране высветилось имя: «Глеб».

Я долго смотрела на вибрирующий аппарат, боясь нажать «принять». Лепесток в моей руке начал стремительно чернеть и превращаться в труху, осыпаясь на ковер мелким пеплом.

— Алло? — наконец ответила я.

— Наташа, — голос мужа был необычно мягким, почти вкрадчивым. — Ты ведь не начала его чистить, правда? Я же просил.

Я посмотрела на свои руки, испачканные в растворителе, на чемоданчик с инструментами и на зеркало, которое теперь казалось бездонным провалом в стене.

— Нет, Глеб, — соврала я, и это была первая ложь за наши тринадцать лет. — Я просто смотрю на него. Оно... оно

очень красивое.

— Вот и хорошо, — выдохнул он. — Не трогай его. Амальгама очень хрупкая. До вечера, любимая.

Я положила телефон на стол. Мои пальцы все еще чувствовали холод того лепестка. Я снова подошла к зеркалу и коснулась стекла. Оно не было холодным. Оно было теплым. Пульсирующим. Как будто под тонким слоем серебра билось чье-то сердце.

Тринадцать лет я думала, что знаю о своем муже всё. Я думала, что наша жизнь — это открытая книга, отреставрированная моими руками до идеального блеска. Но сегодня я поняла: под этим блеском скрывается нечто такое, что не поддается никакой реставрации.

И это «что-то» только что посмотрело на меня из глубины моего собственного дома.

Я взяла кисть и медленно, почти осознанно нарушая запрет Глеба, провела ею по раме, там, где скрывались знаки. Я еще не знала, что этот жест станет началом моего долгого пути в ад. Но я уже чувствовала: кружево нашей свадьбы начинает рваться, обнажая гнилые нити, которыми Глеб сшивал нашу реальность все эти тринадцать лет.

В этот день я впервые не пошла в душ после работы. Мне казалось, что запах полыни и старого зеркала вьелся в мою кожу навсегда. И где-то в глубине дома, в заколоченном подвале, о котором мы никогда не говорили, что-то тяжело вздохнуло в унисон моему собственному сердцу.

Тринадцатый год начался. И дьявол уже ждал меня в нашей постели.

Глава 2(Глеб)

(то же утро от лица Глеба)

Секундная стрелка на кухонных часах не просто двигалась — она отсекала куски моей прошлой, опостылевшей жизни. Тик. Еще один миг фальшивого благополучия. Так. Еще один шаг к финалу. Я стоял спиной к двери, глядя в окно на серую январскую изморозь, и слушал. Слушал, как в спальне просыпается мой «главный ресурс».

Наталья. Моя идеальная, заботливая, бесконечно доверчивая жена. Женщина, которая тринадцать лет служила мне громоотводом, батареейкой и живым щитом.

Я услышал её шаги — легкие, осторожные. Она всегда боялась меня разбудить, если вставала раньше. Наивная. Она даже не догадывалась, что я не сплю уже три часа, вычисляя в уме коэффициенты ликвидности своих скрытых активов и прислушиваясь к тому, как внутри меня медленно поворачивается тяжелый засов. Срок контракта истекал сегодня.

Я почувствовал её взгляд на своей спине. Она замерла в дверях, наверняка любуясь моим силуэтом в лучах скупого зимнего солнца. Я знал, что она видит: надежного мужа, опору, мужчину, который за тринадцать лет не дал ни одного повода для сомнений. Я медленно обернулся, натягивая на лицо привычную маску — ту самую «улыбку номер тридцать четыре», теплую и немного усталую.

— С добрым утром, родная.

Слова соскользнули с языка легко, как смазанные маслом детали затвора. Внутри меня не дрогнул ни один нерв. За тринадцать лет я научился реставрировать свои эмоции не хуже, чем она восстанавливает свои пыльные деревяшки.

Я подошел к ней, вдохнул запах её волос — этот вечный аромат воска, спирта и какой-то домашней приторности. Раньше он казался мне уютным. Теперь — вызывал легкое подташнивание. Ресурс выработан. Амортизация достигла ста процентов. Наталья была прекрасным инструментом для достижения цели, но инструменты нужно менять, когда они начинают тупиться.

— Тринадцать лет, Наташ. Ты веришь? — прошептал я, чувствуя, как она тает в моих руках.

Она верила. Она всегда верила. В этом была её главная слабость и моё главное преимущество.

Я коснулся лепестков черных роз. Тринадцать штук. Она думала, что это романтика, наш личный код любви. На самом деле — это был мой счетчик. Каждая роза символизировала год, который я «законсервировал». В эзотерике черная роза — символ смерти и возрождения. Сегодня старая Наталья должна умереть в моем мире, чтобы я мог наконец возродиться в своем истинном обликии.

Когда мы вошли в гостиную, я кожей почувствовал её нарастающее волнение. Зеркало. Мой главный подарок. Мой троянский конь.

Я сдержнул ткань. Наталья ахнула. Я видел, как её профессиональный взгляд жадно впивается в резьбу, как она оценивает возраст дерева и качество амальгамы. Она была хорошим мастером, этого не отнимешь. Но она была слишком зациклена на внешней оболочке вещей, чтобы увидеть то, что скрыто под слоями лака.

Это зеркало стоило мне огромных усилий. Не денег — деньги для меня давно перестали быть проблемой, хотя Наталье я продолжал скармливать легенды о «кредитах» и «премиях менеджера». Мне пришлось найти именно эту вещь. Зеркало Богдановых. Вещь с тяжелым прошлым, способная исказить не только свет, но и восприятие реальности.

— Я копил на него три года, Наташ, — сказал я, и мой голос звучал так искренне, что я сам почти поверил.

На самом деле я купил его на закрытом аукционе в Лондоне полгода назад. Три года копить? Смешно. За эти три года я увеличил свой капитал вчетверо, пока она радовалась новым занавескам в нашей «скромной» сталинке. Эта квартира была моей камерой обскура, моим убежищем от мира больших хищников, где я сам был самым крупным зверем. Но камера стала тесной.

Появление Ольги внесло в мой план долю дискомфорта. Дочь. Моё продолжение, которое я так и не научился любить. В ней было слишком много от матери — эта избыточная чувствительность, это умение видеть то, что не положено. Когда она сказала, что зеркало «злое», я едва сдержал раздраже-

ние. Дети и животные первыми чувствуют системный сбой.

— Оля! — я придал голосу строгость. — Что за фантазии?

Я смотрел на дочь и видел досадную помеху. Она была частью «пакета услуг», который я приобрел вместе с Натальей тринадцать лет назад. Но срок аренды подходил к концу. Ольгу я планировал забрать с собой — не из любви, а как ценный биологический актив, который можно правильно воспитать под свои задачи. Но сначала нужно было изолировать её от материнского влияния.

— Мне пора, — я поцеловал Наталью в лоб. Кожа была сухой и теплой.

Я уходил, зная, что за моей спиной начинается необратимый процесс. Зеркало уже начало свою работу. Я чувствовал это по тому, как изменился воздух в комнате — он стал плотным, наэлектризованным.

Спускаясь по лестнице нашей сталинки, я чувствовал, как с меня осыпается шелуха «Глеба-менеджера». Я вышел во двор, сел в наш подержанный корейский внедорожник — еще одна деталь маскировки — и выехал со двора.

Через три квартала я свернул в неприметный гаражный кооператив. Здесь, за железными воротами бокса номер восемь, заканчивалась сказка и начиналась реальность.

Я заглушил мотор и на несколько минут остался сидеть в тишине. Из бардачка я достал другой телефон — тонкий, черный, без опознавательных знаков. На нем было всего три номера. Я проверил уведомления. Карина прислала сообще-

ние: «Жду тебя в пентхаусе. Шампанское уже остыло, а я — нет».

Я усмехнулся. Карина была полной противоположностью Натальи. В ней не было никакой «реставрации», только чистый, холодный блеск современных технологий. Она знала, кто я на самом деле, и это делало её безопасной. С ней не нужно было играть в «счастливую семью».

Я вышел из машины и подошел к зеркалу на стене гаража. Снял дешевые часы, подарок Натальи на десятилетие свадьбы, и равнодушно бросил их в коробку с ветошью. На запястье лег тяжелый золотой «Patek Philippe». Затем я сменил куртку из масс-маркета на кашемировое пальто, которое стоило больше, чем вся мебель в нашей квартире.

В углу гаража под чехлом спал мой настоящий зверь — темно-синий Bentley. Я коснулся капота, чувствуя холод металла. Вот это — моё. А не пыльные шкатулки и разговоры о ремонте кухни.

Выезжая на проспект под своим истинным именем, я набрал номер помощника.

— Вадим, — мой голос стал ниже, в нем прорезался металл, которого никогда не слышала Наталья. — Подготовь документы по ЖК «Солнцестояние». Вечером я подпишу передачу прав. И узнай, как там наш адвокат Богданов. Мне нужно, чтобы к завтрашнему утру история болезни моей жены была безупречной. Да, та самая клиника. Депрессия, галлюцинации, нестабильное состояние. Понял? Работай.

Я нажал отбой. Всё шло по графику.

Около полудня я почувствовал странное покалывание в затылке. Связь. Я установил в раму зеркала не только систему прослушки, но и кое-что более тонкое — датчики вибрации и тепла. Я знал, что Наталья не выдержит. Она была одержима своей работой.

Я припарковался у обочины и открыл приложение в телефоне. Так и есть. Датчики зафиксировали прикосновение инструментов к дереву. Она начала чистить раму. Она начала вскрывать то, что должно было оставаться скрытым до вечера.

Гнев вспыхнул во мне мгновенно, но я подавил его. Это была холодная ярость профессионала. Она опережала события. Она лезла туда, куда не следовало, рискуя нарушить тонкую настройку её будущего «безумия».

Я набрал её номер.

— Наташа, — я заставил свой голос звучать максимально мягко, вкрадчиво, так, как говорят с душевнобольными или маленькими детьми. — Ты ведь не начала его чистить, правда? Я же просил.

Я слушал её дыхание на том конце провода. Она колебалась. Она лгала мне. Впервые за тринадцать лет моя верная собачонка попыталась скрыть от меня правду. Это было забавно. Она думала, что у неё есть секреты.

— Нет, Глеб, — сказала она. — Я просто смотрю на него. Оно... оно очень красивое.

Я закрыл глаза, наслаждаясь моментом. Ложь — это первый шаг к разрушению личности. Она сама начала строить стену между нами, даже не понимая, что эта стена станет её надгробием.

— Вот и хорошо, — выдохнул я. — Не трогай его. До вечера, любимая.

Я отключил вызов и посмотрел на свое отражение в зеркале заднего вида. На меня смотрел человек, который успешно провернул самую масштабную сделку в своей жизни. Тринадцать лет инвестиций в образ «хорошего парня» окупились стократно. Сегодня я заберу всё: её наследство, её веру в людей, её дочь. А ей оставлю только отражение в зеркале, которое будет шептать ей о том, что она сошла с ума.

Я подъехал к офисному центру «Плаза». Стеклянная башня отражала серое небо, превращая его в футуристический пейзаж. Здесь меня ждали дела, которые приносили миллионы. Здесь я был богом.

Поднимаясь в скоростном лифте на сороковой этаж, я посмотрел на часы. 13:13.

Символично.

В этот момент где-то там, в нашей старой квартире, Наталья наверняка увидела первую тень в зеркале. Я представил её лицо — испуганное, растерянное. Как она будет метаться по комнатам, пытаясь найти логическое объяснение тому, что не поддается логике. Как она будет сомневаться в собственном зрении. Это было высшее наслаждение — ло-

мать человека так тонко, что он сам помогает тебе в этом процессе.

В приемной меня встретил Вадим. Он выглядел обеспокоенным.

— Глеб Николаевич, тут Карина Викторовна... Она настаивает на встрече до вашего ужина. Говорит, возникли вопросы по документам ЖК.

— Карина слишком нетерпелива, — я прошел в свой кабинет, пахнувший дорогой кожей и успехом. — Скажи ей, пусть ждет в пентхаусе. У меня сегодня важный вечер. Конец одной эпохи и начало другой.

Я сел в кресло, повернувшись к окну. Весь город лежал у моих ног, присыпанный январской пылью. Где-то там, в лабиринте улиц, Наталья реставрировала свою очередную шкапу, не зная, что я уже занес над ней молот.

Тринадцать лет я спал с ней в одной постели, делил хлеб, слушал её рассказы о «душе дерева». Я знал каждую её родинку, каждую интонацию. И всё это время я ждал этого дня.

Я достал из ящика стола маленький золотой ключик. Он был точной копией того, что скрывался в раме зеркала. Оригинал был у меня. То, что она найдет — всего лишь имитация, ловушка для её любопытства.

— Сегодня, Наташа, — прошептал я, глядя на панораму города. — Сегодня ты поймешь, что всё это время ты жила не с мужем. Ты жила с дьяволом, который просто умело притворялся человеком. И самое прекрасное — ты сама вступи-

ла меня в свою жизнь.

Я нажал кнопку на селекторе.

— Вадим, закажи столик в «Вертинском» на семь вечера. И пусть проверят, чтобы в букете, который доставят в ресторан, было именно тринадцать черных роз. Ни больше, ни меньше. Это важно для завершения цикла.

Я откинулся на спинку кресла. Впереди был длинный день. День, когда я окончательно перестану быть Глебом Даниловым, менеджером из страха, и стану тем, кем был рожден.

А Наталья... Наталья просто останется в зеркале. Как старая патина, которую я наконец-то решил смыть.

Глава 3

Запах спирта и растворителя обычно действовал на меня как валерьянка на кошку — успокаивал, приводил мысли в порядок, раскладывал хаос по полочкам. Но не сегодня. Сегодня едкая химия казалась ядовитым туманом, который не очищал дерево, а выедал мои воспоминания.

Я набросила на зеркало старую фланелевую простыню. Ткань осела на тяжелую раму неопрятным серым саваном. Глеб просил не трогать подарок, и теперь, когда его голос в трубке затих, я чувствовала себя преступницей, которую застали на месте преступления. Но разве преступление — хотеть увидеть правду под слоем вековой грязи?

В гостиной стало невыносимо душно. Я подошла к окну и прижала лоб к ледяному стеклу. Там, за окном, январь укрывал город грязным снегом, а здесь, внутри моего «идеального» дома, я впервые за тринадцать лет почувствовала себя чужой. Отражение, которое «опоздало». Тень в углу. Часы, застывшие на чертовой дюжине.

— Просто усталость, Наташа, — прошептала я своему мутному отражению в оконном стекле. — Реставраторская близорукость. Слишком много мелких деталей, слишком мало свежего воздуха.

Я заставила себя отойти от зеркала. Инструменты были аккуратно сложены в чемоданчик, каждый скальпель и каж-

дая кисть на своем месте. Порядок в вещах — порядок в голове. Я всегда жила по этому правилу. Моя жизнь была как дорогая антикварная мебель: я знала каждый сучок, каждую трещинку, каждый слой лака. Глеб был моим главным шедевром — надежным, предсказуемым, отреставрированным до идеального блеска.

— Мам? Ты всё еще там? — голос Ольги из коридора заставил меня вздрогнуть.

— Да, родная. Иду.

Я вышла в коридор. Дочь стояла у своей двери, нервно тебя края безразмерного худи. Она выглядела бледной, а её глаза, такие же серые и пронизательные, как у отца, смотрели на меня с каким-то странным сочувствием.

— Мама, у тебя руки пахнут чем-то горелым, — она поморщилась. — И в гостиной... там как будто воздух тяжелый. Знаешь, как перед грозой, когда дышать нечем.

Я подошла и обняла её. Она была колючей, как подросток-ёж, но не отстранилась.

— Это просто растворитель, Оль. Я немного почистила раму. Старый лак всегда пахнет странно. Не бери в голову.

— Папа просил не трогать его, — глухо заметила она. — Он рассердится.

— Мы ему не скажем, — я попыталась улыбнуться, но губы казались деревянными. — Это наш маленький секрет. Иди, собирайся. Тебе же к подружке, в гости, помнишь? Мы с папой уходим в ресторан, не хочу, чтобы ты сидела тут од-

на.

Ольга кивнула, но в её взгляде я прочитала то, что сама боялась признать: дом перестал быть безопасным. Как только это зеркало пересекло наш порог, что-то изменилось. Словно мы впустили внутрь не мебель, а незваного гостя, который теперь сидит в гостиной под серой простыней и ждет своего часа.

Когда дочь ушла, я отправилась в ванную. Мне нужно было «отреставрировать» себя. Вечер в «Вертинском» обязывал. Глеб любил, когда я выглядела «дорого и сдержанно». Я выбрала платье цвета выдержанного бургундского — оно всегда подчеркивало мою бледную кожу и темные волосы.

Я наносила макияж, глядя в обычное зеркало над раковиной. Рука не дрожала. Слой тонального крема скрыл тени под глазами, помада обозначила четкий контур губ. Я создавала фасад. Красивую картинку счастливой женщины, у которой сегодня праздник. Тринадцать лет. Кружевная свадьба.

В какой-то момент я замерла с серьгой в руке. Серьги — капли из белого золота с маленькими бриллиантами. Подарок Глеба на десятилетие. Я помнила, как он надевал их мне, шепча, что я его самое ценное сокровище. Сейчас они казались мне холодными и слишком тяжелыми. Словно это были не украшения, а метки собственности.

Я вышла в спальню, застегивая браслет часов. Шесть вечера. Глеб должен быть здесь через пятнадцать минут. Мы

всегда были пунктуальны. Пунктуальность — это форма уважения, так он говорил.

Я присела на край кровати, стараясь не помять платье. В квартире было тихо, только холодильник на кухне иногда издавал странные всхлипывающие звуки. Я закрыла глаза и вдруг снова почувствовала этот запах. Не спирт. Не уайт-спирит. Полынь. Горькая, сухая полынь, словно кто-то разбросал пучки сушеной травы прямо у меня под ногами.

Телефон на прикроватной тумбочке завибрировал, заставив меня подпрыгнуть.

Глеб.

Я глубоко вздохнула, натягивая на лицо улыбку, хотя он её и не видел.

— Да, любимый? Я уже готова.

— Наташенька... — голос мужа в трубке был полон такого искреннего сожаления, что у меня на мгновение закололо в сердце. — Родная, прости меня. У нас тут полная катастрофа. В страховой аврал, выезд на объект, крупная авария на производстве, нужно срочно оформлять протоколы. Я не успеваю к семи.

Я молчала. Внутри меня что-то медленно, со скрипом, поворачивалось. Как старый заржавевший замок.

— Наташа? Ты слышишь? Не молчи, пожалуйста. Я сам в ярости. Весь день ждал нашего вечера.

— Да, я слышу, — мой голос прозвучал удивительно спокойно. — Надолго это?

— Не знаю. Может, на пару часов, может, до полуночи. Давай перенесем на завтра? Я забронирую тот же столик. А сейчас... давай я закажу тебе доставку из «Вертинского»? Устроим праздник завтра, а сегодня я просто приползу и упаду. Хорошо?

— Хорошо, Глеб. Работа есть работа. Я понимаю.

— Ты лучшая жена на свете, — выдохнул он. — Целую тебя. Не скучай.

Он отключился.

Я медленно опустила руку с телефоном. Тишина в квартире стала почти осязаемой. Я смотрела на свои туфли на шпильках, на шелковые колготки, на идеальный маникюр. Я была готова к празднику, который отменили одним звонком.

В страховой компании «аврал»? Глеб работал в отделе выплат по имуществу. Аварии на производстве — это не его профиль. Его профиль — офисные бумаги, калькуляции и скучные отчеты. Но я никогда не задавала вопросов. Я доверяла ему так же, как доверяла своим глазам.

Я поднялась и пошла в прихожую. Праздничный наряд теперь казался нелепым маскарадом. Я хотела сорвать с себя это платье, смыть косметику и залезть под одеяло, но вместо этого я остановилась у шкафа.

Моя привычка сублимировать стресс в уборку всегда казалась Глебу забавной. Когда я нервничала, я чистила, мыла, полировала. Это давало иллюзию контроля.

Я открыла дверцу шкафа. На вешалках ровными рядами

висели пальто и куртки. Я решила, что раз уж вечер свободен, я соберу вещи Глеба для химчистки. Завтра будет новый день, и он должен начаться в чистоте.

Я достала его тяжелое кашемировое пальто, в котором он ходил всю прошлую неделю. Затем перешла к рабочему пиджаку — тому самому, который он надевал вчера. Глеб был аккуратистом, но иногда оставлял в карманах чеки или парковочные талоны.

Я начала проверять карманы. Левый — пуст. Правый — пачка жевательной резинки. Внутренний...

Мои пальцы нащупали что-то плотное и гладкое. Я вытащила находку.

Это была визитка. Но не простая бумажка, которую раздают у метро. Дорогой, тяжелый дизайнерский картон цвета «антрацит» с золотым тиснением по краю. На ощупь она была как шелк.

На лицевой стороне было написано: «Жилой комплекс Солнцестояние. Территория абсолютного комфорта». И золотой логотип в виде стилизованного солнца.

Я замерла. Я знала этот комплекс. Его строили последние три года на набережной. Самое элитное жилье в городе. Закрытая территория, вертолетные площадки, консьержи в ливреях. Квартиры там стоили столько, что нам пришлось бы продать не только нашу сталинку, но и все наши внутренние органы, чтобы купить там хотя бы кладовку.

Я перевернула визитку. На обратной стороне аккуратным,

до боли знакомым почерком Глеба было написано:

«Корпус Б, кв. 13. Код 1313#»

И чуть ниже, сбоку, я увидела то, от чего воздух в моих легких превратился в свинец.

Маленькое, почти незаметное пятнышко. След от губной помады. Глубокий, насыщенный цвет «винная роза». Я никогда не пользовалась таким оттенком. Мои цвета — нюд, беж или классический красный. Этот же цвет был агрессивным, хищным.

Я смотрела на этот след, и мне казалось, что я смотрю в микроскоп на клетки смертельного вируса.

Глеб — страхового менеджера. Что он забыл в ЖК «Солнцестояние»? И почему у него в кармане визитка с личным кодом доступа в квартиру номер тринадцать? Снова это число. Тринадцать лет брака. Тринадцать черных роз. Тринадцатая квартира.

В голове всплыли его слова из сегодняшнего утра: «Я копил на него три года».

Реставратор во мне проснулся мгновенно. Я начала «снимать слои». Глеб работает в офисе с девяти до шести. Получает стабильную, но не заоблачную зарплату. Носит качественные, но недорогие костюмы. Мы ездим на пятилетнем «корейце». И при этом он покупает антиквариат стоимостью в состояние и имеет доступ в самый дорогой ЖК города?

Я почувствовала, как под ногами разверзается пропасть. Всё, во что я верила, все эти тринадцать лет уютного быта

— это была всего лишь патина. Тонкая пленка, нанесенная умелым мастером, чтобы скрыть гнилую древесину.

Я бросила взгляд на гостиную. Дверь была приоткрыта. Мне показалось, что простыня на зеркале шевельнулась, словно от сквозняка, хотя все окна были плотно закрыты.

— Значит, аврал на производстве, Глеб? — прошептала я. — Оформляешь протоколы?

Я сжала визитку в кулаке. Моё сердце больше не колотилось как безумное. Напротив, оно стало холодным и расчетливым. Как у хирурга перед первой надрезом. Или как у реставратора, который обнаружил под слоем масляной краски шедевр... или уродство.

Я знала, что должна сделать. В дешевых сериалах такие истории часто начинаются с того, что героиня плачет в подушку. Но я не была героиней из дешевого романа. Я была женщиной, которая тринадцать лет восстанавливала чужие жизни, забыв про свою собственную.

Я не стала снимать платье. Зачем? Оно мне еще пригодится. Я набросила сверху свое повседневное серое пальто, которое теперь казалось мне маскировочным халатом. Обула сапоги на плоской подошве.

Взяла сумку, проверила ключи от машины. Наш старый «Хёндай» стоял во дворе.

Я подошла к двери, но в последний момент обернулась.

В гостиной, в полумраке коридора, мне снова почудилось движение. Словно кто-то высокий и безмолвный стоял там,

под серой простыней, и внимательно наблюдал за моим уходом.

— Можешь не смотреть, — сказала я пустоте. — Я всё равно узнаю, что там, за амальгамой.

Я вышла из квартиры и захлопнула дверь. Звук замка отозвался в пустом подъезде сухим, окончательным щелчком. Как будто закрылась крышка гроба, в котором я жила тринадцать лет.

Я спускалась по лестнице, и каждый шаг отдавался в голове: «Солнцестояние. Тринадцать. Код 1313».

Я выбежала со двора, и поймала такси. свет фар машины выхватил из темноты хлопья снега. Город жил своей жизнью, люди спешили домой к ужину, а я ехала в самое дорогое логово города, чтобы встретиться со своим дьяволом.

Я еще не знала, что эта поездка разделит мою жизнь на «до» и «после». Что я увижу мужа, которого не знала. Что я увижу машину, на которую мы «не могли заработать». Но сейчас,, я чувствовала только одно: безумное, яростное желание содрать этот лак до самого основания.

Пора узнать, Глеб, кто ты на самом деле. И чья помада оставляет следы на твоих секретных визитках.

Водитель нажал на газ и машина послушно рванула в сторону набережной. Январь хлестал снегом по лобовому стеклу, но мне было жарко. Впервые за тринадцать лет я чувствовала себя по-настоящему живой. И это было самое страшное из всех моих сегодняшних открытий.

Глава 4

Мы выехали на набережную и чем ближе подбирались к элитному району, тем чище становились дороги и ярче — иллюминация. Здесь снег не смел лежать сугробами; его убирали раньше, чем он успевал коснуться асфальта.

Башни жилого комплекса выросли из темноты неожиданно, как три стеклянных клыка, вонзившихся в брюхо ночного неба. Стекло, бетон и панорамное освещение, превращающее ночь в искусственный день. Это был город богов, куда простым смертным вроде нас с Глебом вход был заказан. Или я так думала?

Я попросила водителя остановиться за два квартала, в тени облупленной пятиэтажки, которая выглядела здесь как бедный родственник на светском рауте. Но машина вписалась в этот пейзаж идеально, а вот я в своем платье цвета бургундского и праздничном макияже чувствовала себя нелепой подделкой.

Я вышла из машины, и ледяной ветер тут же хлестнул по ногам. Пальто было слишком тонким для такой погоды, но внутри меня горел такой пожар, что я едва ли замечала мороз.

Я встала за угол здания, прямо напротив въезда в подземный паркинг корпуса «Б». Мои глаза, привыкшие за годы ре-

ставрации выхватывать мельчайшие дефекты на старой древесине, теперь сканировали каждую проезжающую машину.

Прошло сорок минут. Пальцы в тонких кожаных перчатках начали неметь. Я уже готова была признать себя сумасшедшей, развернуться и поехать домой, к накрытому простыней зеркалу, как вдруг ворота паркинга плавно поползли вверх.

Из чрева бетонного монстра медленно, почти бесшумно выплыл темно-синий зверь. Bentley Continental.

Цвет был пронзительным, глубоким — «цвет ночного океана», как когда-то говорил Глеб, разглядывая каталог машин в журнале и вздыхая о несбыточном. Машина притормаживала у гостевой зоны. Стекла были тонированы вглушь, но когда автомобиль остановился под ярким прожектором у входа, водительское стекло медленно опустилось.

Я перестала дышать.

Это был Глеб. Мой муж. Мужчина, который сегодня утром жаловался на скрип половиц в нашей спальне. Но теперь это был другой человек.

Его профиль казался высеченным из гранита. На нем не было того выражения вечной мягкой усталости, которое я видела каждый вечер. На нем было безупречное пальто из темно-серой шерсти — я видела такие в витринах бутиков на Кузнецком, мимо которых мы всегда проходили не задерживаясь. На запястье, которое он небрежно положил на руль, сверкнули часы. Не те «советские», которые я подарила ему

на десятилетие свадьбы, а тяжелый, золотой хронограф, цена которого могла бы закрыть все наши долги и купить Ольге квартиру.

Он выглядел... уместным. В этой машине, в этом районе, в этой жизни. Он не играл роль богатого человека. Он им был. А ролью, дешевой и утомительной, были наши тринадцать лет в сталинке с текущими кранами.

Двери центрального входа распахнулись. Из теплого, залитого золотистым светом холла вышла женщина.

Она не шла — она несла себя, как драгоценный сосуд. На плечах — меховая накидка из чернобурки, из-под которой виднелось облегающее платье цвета той самой помады. Виноград, кровь, выдержанное вино — «винная роза». Та самая метка на визитке.

Она была моложе меня. Ярче. В ней не было той приглушенной, кабинетной красоты, которую дает ремесло реставратора. Она была похожа на свежий слой акрила поверх старой фрески — кричащая, самоуверенная, современная.

Карина. Имя отозвалось в голове коротким, резким щелчком, как треснувшая сухая доска.

Глеб вышел из машины. Он не сутулился. Он не выглядел «менеджером в аврале». Он подошел к ней, и я увидела, как он улыбается. Не той виноватой улыбкой, которой он только что кормил меня по телефону, а открыто, хищно.

Он обнял её за талию, и его пальцы по-хозяйски прижали её к себе. В этом жесте было столько интимности, столько

привычного обладания, что у меня перед глазами поплыли красные пятна.

Они поцеловались. Долго, жадно, прямо на виду у охраны, которая почтительно склонила головы. Этот поцелуй был финальным аккордом моей старой жизни. Я смотрела, как Глеб открывает ей дверь Bentley, как он бережно придерживает подол её платья, как он садится за руль и машина с тихим рыком уносится в сторону центра.

Всё было подделкой.

Весь наш быт, каждая наша покупка «со скидкой», каждая его жалоба на нехватку денег — это была грандиозная мистификация. Он не просто изменял мне. Он обкрадывал меня все тринадцать лет, лишая не только денег, но и реальности.

Я стояла на ветру, и снег таял на моих горячих щеках. Гнев, который я чувствовала раньше, внезапно сменился ледяным спокойствием. Таким, какое бывает, когда ты снимаешь последний слой испорченного лака и видишь, что под ним нет шедевра. Там только гниль.

Я посмотрела на свои руки. Они всё ещё пахли полыньёю от того зеркала. «Постель с дьяволом», — всплыло в голове. Глеб подготовил всё идеально. Он даже зеркало купил, чтобы начать сводить меня с ума, пока он будет переезжать в свою настоящую жизнь с Кариной.

Но он допустил одну ошибку. Он забыл, что я умею работать с деталями.

Я достала из кармана визитку. Корпус «Б», квартира тринадцатая. Код 1313#.

Я перешла дорогу. Ноги в туфлях на каблуках скользили по плитке, но я шла твердо. Моё нарядное платье под пальто теперь казалось мне доспехами.

У поста охраны я не замедлила шаг. Охранник, молодой парень в идеально выглаженной форме, преградил мне путь.

— Добрый вечер. Вы к кому?

Я посмотрела на него так, как смотрела на нерадивых учеников в мастерской. Холодно и свысока.

— Я жена Глеба Данилова.

Я не лгала. Я действительно была Даниловой. И Глеб действительно был моим мужем. Охранник замялся, глядя на моё дорогое (хоть и скрытое пальто) платье и макияж. Я выглядела как женщина из этого мира, просто чуть более строгая.

— Секунду, я проверю список...

— Глеб Данилов, — добавила я, чувствуя, как на языке закипает яд. — Мы только что заехали.

Он нашел фамилию в планшете. Лицо его тут же расплылось в подобострастной улыбке. Видимо, Глеб оставил здесь достаточно щедрые чаевые, чтобы его фамилия открывала двери.

— Да-да, конечно, извините. Проходите, пожалуйста. Лифт справа. Охранник приложил свою мастер карту к двери и любезно предложил пройти.

Я кивнула и прошла мимо него, чувствуя, как за спиной закрывается невидимая ловушка.

Холл лифта был отделан мрамором и латунью. Зеркала от пола до потолка. Я посмотрела на себя. Бледная, с пылающими глазами, в платье цвета запекшейся крови. Я была похожа на привидение, ворвавшееся в храм потребления.

Лифт поднялся на тринадцатый этаж за считанные секунды. Уши заложило. Когда двери разошлись, я оказалась в тихом, пустом коридоре. Здесь пахло не январем и не старыми домами. Здесь пахло дорогим парфюмом, свежими цветами и пустотой.

Квартира номер тринадцать.

Дверь была массивной, из темного металла с матовой отделкой. Рядом — сенсорная панель.

Я протянула руку. Пальцы мелко дрожали, но разум был чист.

1... 3... 1... 3... #.

Раздался негромкий щелчок. Электронный замок мигнул зеленым.

Я толкнула дверь и вошла внутрь.

В квартире было темно, но свет из коридора выхватил огромную прихожую. Здесь не было вешалок из Икеи и старых полок для обуви. Только минимализм и холодная роскошь.

Я сделала шаг по мягкому ковру и замерла. В воздухе ви-

сел густой, почти осязаемый аромат. Это не были духи Карины. И не одеколон Глеба.

Полынь.

Горькая, сухая, удушливая полынь. Тот же запах, что шел от зеркала, которое Глеб притащил в наш дом сегодня утром.

Я нащупала выключатель на стене. Свет вспыхнул мгновенно, заливая пространство ослепительной белизной.

Я ожидала увидеть здесь следы измены — разбросанное белье, пустые бутылки шампанского. Но то, что предстало перед моими глазами, заставило меня прижать ладонь к губам, чтобы не закричать.

Это не была просто квартира любовницы. Это был штаб. Моя жизнь, разложенная на составляющие, изучалась здесь как под микроскопом.

Но самое страшное было в центре гостиной.

Там стояло еще одно зеркало. Точная копия того, что Глеб подарил мне сегодня. Только рама была не черной, а белой, словно сделанной из кости. И оно не было накрыто простыней. Оно смотрело на меня, отражая пустую, холодную комнату и меня — маленькую женщину в красном платье, которая наконец-то поняла, что тринадцать лет она была не женой.

Она была экспонатом в чьей-то очень долгой и очень страшной коллекции.

Я подошла к зеркалу. И в этот момент из глубины квартиры донесся звук. Тихий, ритмичный стук. Словно кто-то или

что-то билось в запертую дверь в дальнем конце коридора.

Глеб уехал с Кариной. В квартире никого не должно было быть. Но стук продолжался. Я вздрогнула и повернулась в сторону звука, сжимая в руке сумку. Пора было узнать, что дьявол прячет в своей настоящей спальне.

Глава 5

Стук. Ритмичный, сухой, как удары костяшек пальцев по гробовой доске.

Я замерла в центре гостиной «Солнцестояния», прижимая сумку к груди. Квартира номер тринадцать дышала мне в спину холодом кондиционированного воздуха. Я заставила себя сделать шаг в сторону звука. Коридор вел в кабинет.

Там, в углу, стояли напольные часы. Огромные, в корпусе из вишни. Маятник бился о внутреннее стекло — часы стояли неровно, и этот дефект рождал тот самый пугающий звук. Я выдохнула, чувствуя, как мелко дрожат колени. Рациональность. Всему есть рациональное объяснение.

Я подошла к рабочему столу. Он был девственно чист, если не считать тонкого ноутбука и одной-единственной кожаной папки.

Я открыла её.

Мир, который я знала, окончательно рассыпался в прах. Перед моими глазами поплыли банковские выписки. «Каймановы острова», «Кипр», «Люксембург». Суммы... боже мой. Миллионы евро. Даты переводов совпадали с нашими «трудными временами». Когда мы с Глебом спорили, можем ли мы позволить себе новые сапоги для Ольги, он переводил на скрытые счета суммы, на которые можно было купить

обувную фабрику.

Но не это было самым страшным. Под выписками лежал план нашей сталинки. Старый, пожелтевший чертеж БТИ, на который поверх были нанесены новые линии красным маркером.

В нашем доме, прямо под нашей квартирой, значилась пустота. Подвал. Но на чертеже Глеба там располагалось помещение, соединенное с нашей прихожей потайным ходом через шкаф. Приписка на полях, сделанная его аккуратным почерком, заставила мои волосы зашевелиться:

«Объект 13. Фаза истощения завершена. Подготовка к ликвидации ресурса: 13 января».

Тринадцатое января. Сегодня.

Внезапно на стене кабинета ожил монитор. Я вскрикнула, отшатнувшись. Это была система видеонаблюдения. Камера на въезде в паркинг зафиксировала знакомый темно-синий Bentley. Глеб возвращался. И он был не один — на пассажирском сиденье ярко алело платье Карины.

У меня было от силы три минуты.

Я не помню, как вылетела из квартиры. Как неслась по мраморному коридору к лифту, молясь, чтобы он приехал быстрее. Как проскочила мимо охранника, который что-то крикнул мне вслед. Я поймала первое попавшееся такси, едва не бросившись под колеса.

— На Октябрьскую, быстро! Двойной тариф! — прохри-

пела я водителю.

Всю дорогу я смотрела в окно, но видела не город, а эти красные линии на чертеже. «Ликвидация ресурса». Я была для него не человеком. Я была батареей. Инвестицией. Ресурсом, который пора списывать в утиль.

Дома я была через пятнадцать минут. Старая сталинка встретила меня привычным запахом пыли и кошачьего корма из подъезда. Я влетела в квартиру, даже не сняв сапоги.

Мне нужен был ключ. Тот самый, который я видела в его инструментах месяц назад, когда искала отвертку, чтобы починить ручку шкафа. Тогда Глеб едва не сорвался на крик — впервые за все годы. «Не лезь в мои вещи, Наташа! Там порядок, который ты нарушишь!»

Теперь я знала почему.

Я бросилась в кладовку, где стоял его тяжелый стальной ящик. Замок был простым для того, кто умеет вскрывать антикварные секретеры. Тонкий шпатель, одно точное движение — и крышка откинулась.

Я вытряхнула содержимое прямо на пол. Сверла, плоскогубцы, гайки... И вот оно. Двойное дно, прикрытое слоем поролона.

Там лежал он. Ключ-змея. Тяжелый, из темного, почти черного серебра. Змея извивалась, образуя кольцо, и кусала себя за хвост. Уроборос. Символ вечности и цикличности. Ключ был ледяным, словно его только что достали из морозилки.

Я понимала, что в квартире есть потайной ход, Глеб наверняка оборудовал его датчиками или сигнализацией, срабатывающей при открытии изнутри. Зайти через шкаф — значит сразу выдать себя. Кроме того, я не знала механизма открытия со стороны квартиры (там может быть фальш-панель или кодовый замок, который придется искать полчаса).

Технический вход через «черную лестницу» на чертеже был помечен как «служебный». Да, это пожалуй, безопаснее — я останусь вне зоны видимости камер квартиры.

Я схватила мощный фонарь, который мы брали в походы, и вышла в подъезд.

Спуск в подвал всегда был для меня табу. Глеб говорил, что там крысы, плесень и аварийные перекрытия. Заколотая дверь в самом конце коридора выглядела нетронутой, но когда я потянула за цепь, та беззвучно скользнула вниз. Петли были смазаны.

Я вошла внутрь. Свет фонаря выхватил узкий коридор, выложенный современным кирпичом. Здесь не было плесени. Здесь пахло... пылью. Этой чертовой горькой пылью, которая теперь преследовала меня повсюду.

В конце коридора была дверь. Та самая, к которой подошел ключ-змея. Она открылась так легко, словно приглашала меня войти.

Я переступила порог и замерла. Фонарь выпал бы из моих рук, если бы я не вцепилась в него мертвой хваткой.

Это была комната моей жизни. И моей смерти.

Все стены были заклеены моими фотографиями. Но это не были снимки с праздников или из отпуска. Тысячи кадров, сделанных исподтишка. Вот я сплю, разметаю волосы по подушке. Вот я в мастерской, склонилась над старым зеркалом, а по моему лицу ползет оптический прицел... нет, это просто маркер на камере. Вот я плачу после ссоры с мамой десять лет назад.

Под каждым фото — график. ЭКГ, давление, уровень кортизола.

— Господи... — выдохнула я, чувствуя, как горло перехватывает спазм.

В центре комнаты стоял стол, а на нем — папка из белой кожи. Я открыла её.

«Контракт №13. Фонд Богдановых».

Я читала, и буквы прыгали перед глазами. Глеб Данилов (или как его там на самом деле зовут) получал доступ к капиталам семьи Богдановых. Условие: тринадцать лет «эмоционального паразитирования» на женщине с редким типом психической устойчивости. Я была его «донором». Он пил мою жизнь, мою любовь, мою энергию, превращая их в золото на своих счетах. И сегодня, тринадцатого января, контракт закрывался.

Я должна была исчезнуть. «Ликвидация ресурса путем психоэмоционального коллапса». Он хотел свести меня с

ума. Зеркало в гостиной — это был последний триггер. Галлюциногены в чае, инфразвук в стенах, тени в отражении...

Внезапно сверху, прямо над моей головой, раздался грохот. Входная дверь в квартиру открылась.

Я замерла, выключив фонарь. Сердце колотилось в ребра, как пойманная птица.

Слышны были шаги. Тяжелые, уверенные — Глеб. И звонкий, фальшивый смех Карины.

— Осторожнее, милая, — донесся приглушенный голос моего мужа. — Не споткнись об эти старые вещи. Завтра здесь всё будет иначе.

Они были прямо надо мной. В нашей гостиной. Там, где стояло накрытое простыней зеркало.

Я стояла в темноте подвала, окруженная тысячами своих изображений, и понимала: я больше не боюсь. Страх сгорел, оставив после себя только пепел и стальную решимость реставратора.

Глеб думал, что я — ресурс. Что я — старая картина, которую можно соскрести с холста, чтобы написать новый портрет.

Он ошибся. Я не просто картина. Я тот, кто знает, как смешивать яды.

Я начала наощупь пробираться к выходу, сжимая в руке папку с контрактом. Глеб привел свою любовницу в нашу постель, чтобы поставить финальную точку в своем тринадцатилетнем ритуале.

Он еще не знал, что я уже подготовила свой скальпель. И этот надрез будет смертельным.

Наверху раздалась музыка — та самая мелодия, под которую мы танцевали на свадьбе. Глеб всегда любил спецэффекты.

— Ну что ж, Глеб, — прошептала я в темноту. — Посмотрим, как ты затанцуешь, когда амальгама твоего мира начнет осыпаться.

Я вышла из комнаты Дьявола и бесшумно закрыла дверь на ключ-змею. Моя война началась. И в этой войне пленных не будет.

Глава 6 (Глеб)

(от лица Глеба)

Я захлопнул дверь Bentley, и звук этот отозвался в моей груди приятной, тяжелой сытостью. Настоящей. Не той фальшивой радостью, которую я тринадцать лет изображал, покупая Наталье очередную «очень нужную» стамеску или путевку в зачуханный санаторий.

Карина стояла рядом, кутаясь в черную куртку. В свете тусклых фонарей нашего двора она выглядела как инопланетный корабль, приземлившийся на свалке.

— Глеб, я серьезно, — она поморщилась, глядя на облупившуюся краску подъездной двери. — Зачем нам этот перформанс? Ужин в этой... сталинке? Здесь даже лифт пахнет нафталином и дедушками. Почему мы не могли остаться в «Солнцестоянии»?

Я взял её за локоть и мягко, но властно потянул к входу.

— Потому что реставрация должна быть завершена, Карина. Ты же любишь искусство? Сегодня мы ставим финальный мазок. Наталья должна быть здесь. Она должна увидеть нас здесь, в своей святыне. Только полный крах иллюзий даст тот объем энергии, который мне нужен для закрытия контракта.

Карина закатила глаза, но послушно пошла за мной. Она была умна, жадна и абсолютно лишена эмпатии — идеальная

спутница для моей новой жизни. Но она не понимала тонкостей процесса. Она была потребителем, а я — художником.

Мы поднялись на первый этаж. Я открыл дверь своим ключом. В квартире было темно и тихо. Слишком тихо.

— Наталья? — позвал я, скорее для проформы.

Тишина в ответ. Я включил свет в прихожей и замер. Мой взгляд хищника мгновенно отметил детали. На вешалке висело её повседневное пальто. Но сапоги... на полке стояли её домашние туфли, а уличных не было.

Значит, ушла в нарядном платье и в сапогах? После моего звонка?

Я почувствовал легкий укол беспокойства. Это не вписывалось в её паттерн поведения. Обычно после моих отказов она затихала, уходила в свою мастерскую и «лечила» дерево, сублимируя обиду.

— Глеб, посмотри на это, — Карина зашла в гостиную и указала на зеркало.

Оно стояло в центре комнаты, накрытое серой простыней. Но простыня лежала неровно. Один край был заломлен, словно кто-то откидывал его и в спешке вернул на место.

Я подошел и провел пальцем по раме под тканью. Влажно. Запах спирта и растворителя.

— Дрянь, — прошипел я сквозь зубы. — Она всё-таки вскрыла его.

Я недооценил её любопытство. Профессиональный зуд оказался сильнее моего запрета. Это было плохо. Зеркало

уже начало транслировать частоту, а если она сняла защитный слой лака раньше времени, воздействие могло пойти не по сценарию.

— И где твоя «мышка»? — Карина по-хозяйски уселась в кресло Натальи, закинув ноги на кофейный столик. — Может, она нашла кого-то поинтереснее страхового агента и свалила на свидание?

Я не ответил. Я прошел в свой кабинет и закрыл дверь. Мне нужно было проверить «базу».

Я нажал скрытую кнопку под крышкой стола. Панель в стене отъехала, обнажая монитор. Я вывел изображение из подвала. Камеры работали в инфракрасном режиме.

В комнате внизу никого не было. Мои папки, фотографии, алтарь — всё казалось нетронутым. Но датчик на двери подвала мигал красным. Было вскрытие.

Кто? Наталья? Нет, она слишком боится этого места. Глеб Данилов приучил её, что подвал — это территория крыс и обрушений. Возможно, кто-то из ТСЖ или воры?

Я быстро проверил логи системы. Десять минут назад зафиксировано движение в коридоре техподполья.

Я почувствовал, как внутри зашевелился холодный, расчетливый гнев. Если она там... если она увидела контракт...

Нет. Наталья — существо линейное. Она бы не смогла просто стоять и смотреть. Она бы уже звонила, кричала, металась.

Я вернулся в гостиную. Карина пила виски прямо из бу-

тылки, которую нашла в моем баре.

— Слушай, — я отобрал у неё бутылку. — Иди в спальню, приготовь все к ритуалу, у нас мало времени, а я перенесу туда это зеркало.

— Я хочу, чтобы она вошла в самый нужный момент, — я поцеловал Карину в висок, и мой взгляд при этом остался ледяным. — Когда она будет стоять перед зеркалом. Мы покажем ей, кто здесь настоящий дьявол, а кто — просто ресурс.

Карина хихикнула и скрылась за дверью спальни.

Я остался один. Я подошел к проигрывателю и поставил старую пластинку. Свадебный вальс. Те самые звуки, под которые тринадцать лет назад я пообещал этой женщине «и в горе, и в радости», точно зная, что принесу ей только первое.

Музыка заполнила комнату, смешиваясь с запахом полыни. Я подошел к зеркалу и резким жестом сорвал простыню.

В амальгаме отразилась комната и я — в своем кашемировом пальто, с бокалом виски. Я выглядел идеально. Победитель. Человек, который обманул время и самую человеческую природу.

— Ну же, Наташа, — прошептал я, глядя в зеркало. — Приходи. Твой мастер готов нанести последний удар.

Внезапно мне показалось, что в глубине зеркала, за моим плечом, мелькнула тень. Не та, которую генерировал прибор, а настоящая. Плотная.

Я резко обернулся. Никого.

Я снова посмотрел в отражение. И на мгновение — всего на долю секунды — мне показалось, что из глубины стекла на меня смотрят глаза Натальи. Но в них не было страха. В них было то, чего я никогда не видел у неё раньше.

Холодное, профессиональное желание вырезать дефект.

Я моргнул, и наваждение исчезло.

— Нервы, — констатировал я, делая глоток виски. — Даже у дьявола бывают нервы перед закрытием такой крупной сделки..Я схватил зеркало и быстро отнес его в спальню.

Я услышал, как в замке входной двери повернулся ключ.

Игра началась.

Я поставил бокал на стол и принял позу «усталого мужа», сев на диван спиной к двери. Моя спина должна была выражать вину и покорность.

— Наташа? Это ты? — позвал я, вкладывая в голос ровно столько нежности, сколько нужно, чтобы жертва подошла ближе к капкану.

За моей спиной хлопнула дверь. Я не видел её, но чувствовал её присутствие. Она молчала.

— Прости, что задержался, родная, — продолжал я, не оборачиваясь. — Ужин уже привезли, он на кухне. Я так устал... Давай просто посидим в тишине.

Тишина в ответ стала почти физически ощутимой. А потом я услышал её голос. Он не дрожал. Он был ровным, как звук скальпеля, скользящего по дереву.

— Знаешь, Глеб, я сегодня видела Bentley. Красивая машина. Глубокий синий цвет. Цвет ночного океана, как ты любишь.

Я замер. Моё сердце пропустило удар.

Она не должна была этого видеть. Она не должна была быть там.

Я медленно начал оборачиваться, чувствуя, как маска «хорошего мужа» начинает трескаться и осыпаться с моего лица, обнажая то, что я скрывал тринадцать лет.

Но Наталья уже не смотрела на меня. Она смотрела куда-то сквозь меня.. И в её руке был мой ключ-змея.

— Пора смывать патину, Глеб, — сказала она, и в этот момент я понял: ресурс не просто изношен. Ресурс восстал. И он вооружен моими собственными тайнами.

Глава 7

Глеб не выглядел виноватым. Он стоял посреди нашей гостиной, и в его фигуре было столько ледяного величия, что я невольно сделала шаг назад. Свадебный вальс за моей спиной звучал как насмешка.

— Bentley? «Солнцестояние»? — Глеб повторил мои слова с мягкой, издевательской интонацией. — Ты молодец, Наташа. Хороший мастер всегда замечает трещины. Но ты так и не поняла главного: я не изменял тебе. Я просто завершил проект под названием «Семья Даниловых».

Я выхватила папку из подвала, трясая ею перед его лицом.

— Ты использовал меня! Ты выкачивал мою энергию, мою жизнь! Этот контракт... эти Богдановы...

— Тише, милая, — он подошел вплотную. Запах полыни за его спиной стал невыносимым, кружа голову. — Ты говоришь так, будто я отнял у тебя что-то ценное. Но посмотри на себя: ты была счастлива эти тринадцать лет. Ты любила, ты творила, ты спала спокойно. Я купил твое счастье за бесценок. А теперь срок аренды истек.

Он взял меня за подбородок. Его пальцы были как лед.

— Хочешь увидеть, на что я обменял твою преданность?

Иди в спальню. Посмотри на финал своей «реставрации».

Я оттолкнула его руку и побежала по коридору. Я должна была увидеть. Должна была поставить точку в этом безумии.

В спальне было светло от десятков свечей. Они отражались в огромных зеркалах, так, что комната казалась бесконечным лабиринтом. В центре, на нашей широкой кровати, лежала Карина.

Она не была испугана. Она смотрела на меня с ленивым, сытым торжеством хищника. На её шее тускло поблескивало моё семейное кольцо. Черные камни на её бледной коже выглядели как метка.

Глеб вошел следом. Он встал у изножья, и зеркала тут же размножили его фигуру, создавая иллюзию целой армии дьяволов.

— Познакомься, Наташа. Это Карина. Она — мой новый актив. У неё нет твоей души, но у неё есть то, что мне нужно сейчас — холодная жадность. Ты истощена. Твоя амальгама осыпалась.

Он подошел к ней и по-хозяйски положил руку на её бедро.

— Тринадцать лет я спал с тобой в одной постели, — его голос стал низким, проникающим в самый мозг. — Ты согревала меня, ты верила мне, ты отдавала мне каждую частицу своей удачи. Ты думала, что строишь дом, а ты всего

лишь кормила монстра.

Я смотрела на них — на своего мужа и эту женщину в моих украшениях — и чувствовала, как во мне что-то окончательно лопается. Это не была боль. Это была пустота.

— Да ты просто больной.. Убирайтесь, — прошептала я. — Забирай её, свои миллионы, свой Bentley... просто убирайся.

Глеб рассмеялся. Громко, искренне, пугающе.

— Убираться? Из моей квартиры? Наташа, ты не слышишь? Ты здесь — никто. А больная тут ты... Завтра сюда придут люди из клиники «Тихая пристань». У них есть все заключения о твоём нестабильном психическом состоянии. Твои речи о подвалах, ритуалах и Bentley спишут на острый психоз. Оля останется со мной.

Он подошел к зеркалу и провел пальцем по стеклу.

— Ты поняла это слишком поздно. Ты тринадцать лет спала в постели с дьяволом, и дьявол позаботился о том, чтобы у тебя не осталось ничего, кроме этого отражения.

Я посмотрела на него, потом на ключ-змею, который всё ещё сжимала в руке. В его глазах не было страха. Он был уверен в своей победе. Он считал меня «отработанным материалом».

— Ты забыл одну вещь, Глеб, — я выпрямилась, чувствуя, как холодная ярость вытесняет страх. — Ты считал,

что пьешь мой свет. Но ты не учел, что реставраторы умеют работать в темноте. Ты думаешь, что запер меня? Нет. Это я заперла тебя здесь, с твоей правдой.

Я не стала кричать. Я просто развернулась и вышла из спальни.

— Куда ты? — его голос догнал меня в коридоре, в нем впервые прорезалась нотка недоумения.

— К дочери, — бросила я, не оборачиваясь. — А ты оставайся со своей новой куклой. Наслаждайся тишиной, Глеб. Она скоро станет очень громкой.

Глава 8

-Стой! -голос Глеба сильный,внушительный,заставил меня остановиться.Глеб схватил меня за руку и резко потянул к себе,я пошатнулась и потеряв равновесие упала на кафельный пол.

Я стояла на коленях в прихожей, и холод плитки просачивался сквозь шелк вечернего платья прямо к костям. Но этот холод был ничем по сравнению с тем, что изрыгал мой муж, стоя в дверном проеме кухни.

-Глеб,что тебе от меня нужно?

— Сядь, Наташа, — голос Глеба был сухим и деловым. — Пора обсудить цифры. Хватит играть в мистику.

Я поднялась, чувствуя себя как разбитая ваза, которую пытаются склеить наспех, забыв про важные осколки. На кухонном столе, где еще утром лежали школьные тетради Ольги, теперь белели папки с банковскими логотипами.

— Твой дед, Савва Якимов, был не просто коллекционером, — Глеб небрежно бросил передо мной листок с гербовой печатью. — Он был гением финансового планирования. Он оставил тебе траст. Пятьдесят миллионов долларов в активах и коллекцию камней, которая оценивается еще в тридцать. Но он был стариком с причудами. Он не доверял молодым девицам.

Я смотрела на завещание. Дата — тринадцать лет назад.

— Условие было простым, — продолжал Глеб, наливая себе воды. — Ты вступаешь в наследство только после тринадцати лет стабильного брака. Дед хотел, чтобы ты «остепенилась». Он хотел проверить твоего мужа. Ну что ж... — он усмехнулся, глядя на меня поверх стакана. — Я прошел проверку. Я тринадцать лет был идеальным мужем. Я ждал этого дня как манны небесной. Завтра — день икс. Твой дед оценил твою кровь очень дорого, Наташа. И я не намерен отдавать эту сумму тебе.

— Ты... ты всё это время знал? — я едва нашла в себе силы говорить. — Каждую розу, каждую поездку на дачу, каждую «нехватку денег»... ты всё это просчитал? Да...но откуда тогда у тебя деньги на дорогую квартиру, машину, если наследство еще не вступило в силу?..

-Ты думаешь я совсем дурак,я нашел средства,у меня были дела с неким Севастьяновым,но это тебя не касается..главное,я скоро буду очень богат.и ты мне в этом поможешь.

-Да ты монстр..,ты имел деньги,когда мы с Ольгой считали копейки

—Твое дело,Наташа- Реставрация — это ведь твоё, — Глеб подошел ближе, и в его глазах вспыхнуло ледяное торжество. — А я реставрировал наши отношения. Я создавал патину счастья там, где была пустота. Я имитировал бедность, чтобы ты не задавала вопросов. Если бы ты знала, что богата, ты бы стала другой. А мне нужна была ты — тихая,

покорная, занятая своим деревом.

В кухню вошла Карина. Она по-хозяйски открыла холодильник, достала клубнику и, не глядя на меня, отправила ягоду в рот.

— Твой муж — великий стратег, дорогая, — Карина улыбнулась, и я увидела на её губах ту самую «винную розу». — Тринадцать лет играть роль мелкого клерка — это подвиг. Но теперь пришло время обналичить чек.

— Глеб, я не подпишу ни одной бумаги! — я ударила ладонью по столу, но он даже не вздрогнул.

— А тебе и не нужно подписывать, — он достал планшет и развернул его ко мне. — Посмотри видео.

На экране была наша гостиная. Несколько часов назад. Я видела себя со стороны: я металась перед зеркалом, срывала простыню, кричала в пустоту, хваталась за голову. На видео не было теней. Не было шепота. Только я — женщина с безумным взглядом, бьющаяся в истерику.

— Это пойдет в суд, Наташа. Плюс твоя медицинская карта. Ты ведь сама веришь в «дьявола в постели»? Ты ведь нашла «тайную комнату»? — он подошел вплотную, обдавая меня запахом виски и дорогого табака. — Ты уже сумасшедшая. И как твой любящий муж и опекун, я возьму на себя тяжкое бремя управления твоими миллионами. А ты... ты будешь отдыхать. В «Тихой пристани» очень хорошие врачи. Они помогут тебе забыть про деда, про камни и про то, что ты когда-то была свободной.

— Глеб, сумасшедший здесь ты..

Я замахнулась, чтобы ударить его по этому безупречному, лживому лицу, но Глеб перехватил мою руку. Его хватка была железной.

— Не смей, — прошипел он. — Ты теперь — недееспособный объект. У тебя нет прав. Даже права на гнев.

Он толкнул меня, и я отлетела к стене, больно ударившись плечом о косяк. Карина хихикнула, продолжая жевать клубнику. Они смотрели на меня как на старую ветошь, которую пора выбросить.

И в этот момент в прихожей хлопнула дверь.

— Мама? Папа? — голос Ольги прозвучал как гром среди ясного неба.

Я рванулась к двери, но Глеб был быстрее. Он мгновенно преобразился. Его лицо стало скорбным, плечи опустились.

— Оленька, стой! Не заходи на кухню! — крикнул он, загораживая меня собой. — У мамы опять видения. Она... она опасна. Она чуть не поранилась.

Я выскочила из-за его спины, растрепанная, в помятом платье, с горящими глазами.

— Оля, не верь ему! Он лжет! Он...

Дочь замерла на пороге. Она смотрела на меня, потом на Карину в моем халате, потом на отца, который ласково тянул к ней руки. В её глазах я увидела то, что было страшнее контрактов и миллионов.

Страх. Она боялась меня. Глеб победил. Он заставил соб-

ственного ребенка увидеть во мне монстра.

— Мама? — прошептала Ольга, пятась к двери. — У тебя... у тебя лицо в саже. И ты... ты странная. Папа, что с ней?

Я посмотрела в зеркало в прихожей. Моё лицо действительно выглядело бледным, глаза дико блестели, а платье было разорвано. Я выглядела как безумная. Глеб всё предусмотрел. Каждый мой жест сейчас только укреплял его ложь.

Я поняла: дьявол не просто украл мои деньги. Он только что украл у моего ребенка мать, заменив её на сумасшедшее отражение в зеркале.

Я замолчала, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно каменеет. Глеб обнял Ольгу, уводя её в комнату, и через плечо бросил мне взгляд, полный бесконечного, ледяного торжества.

Война за миллионы закончилась. Началась война за душу моей дочери. И в этой войне мне придется научиться играть по правилам ада.

Глава 9

Глеб уводил Олю в её комнату так бережно, словно она была сделана из тончайшего венецианского стекла, а я — грубым молотом, способным разнести эту хрупкость в пыль. Его ладонь на её плече, его вкрадчивый, паточный шепот о том, что «маме просто нужно отдохнуть», — всё это было частью его грандиозного спектакля. Лучшая роль в его жизни.

Я стояла в коридоре, прислонившись спиной к холодной стене. Моё платье, то самое, бургундское, в котором я надеялась провести счастливый вечер, теперь казалось саваном. Я видела себя в зеркале прихожей — растрепанная, с диким взглядом, с дрожащими руками. Идеальный портрет женщины, сошедшей с ума. Глеб всегда был мастером композиции.

Карина вышла из кухни, цокая каблуками по паркету. Она остановилась возле меня, поправляя воротник изумрудного халата — моего халата. В её глазах не было ни капли сочувствия, только холодная, ленивая скука хищника, который уже наелся и теперь просто наблюдает за агонией добычи. Она достала из кармана маленькую пудреницу, щелкнула крышкой.

— Ты бы умылась, что ли, — бросила она, не глядя на меня. — В «Тихой пристани» не любят неряшливых пациентов. Там всё должно быть стерильно.

— Убирайся из моего дома, — прохрипела я. Мой голос не слушался, он застревал в горле, как комок сухой шпаклевки.

Карина лишь рассмеялась. Коротко, звонко, как будто я удачно пошутила.

— Твой дом? Наташа, ты до сих пор не поняла? Здесь нет ничего твоего. Даже твои воспоминания — это всего лишь декорации, которые Глеб расставил по местам. Иди приляг. Тебе завтра рано вставать.

Она повернулась и пошла обратно в спальню. Глеб как раз вышел из комнаты Ольги и пошел вслед за Кариной, закрывая за собой дверь, они о чем-то тихо перешептывались. Я слышала только обрывки фраз: «...врачи подтвердили...», «...завтра в девять...», «...нотариус ждет...».

Я поняла, что у меня есть всего несколько минут, пока он не вернется в гостиную, чтобы запереть меня там или продолжить свою психологическую вивисекцию. Паралич, сковавший мои члены, внезапно лопнул. Адреналин, горький и острый, ударил в кровь. Если я сейчас не увижу дочь, если я не найду способ доказать ей, что я — это я, то завтрашний день станет финалом.

Я бесшумно, почти не касаясь пола пятками, скользнула в комнату Ольги.

В детской было темно. Горела только настольная лампа под зеленым абажуром, бросая длинные, уродливые тени на

стены, оклеенные плакатами с какими-то инди-группами. Пахло графитом, акварелью и тем особым ароматом чистоты, который бывает только в комнатах подростков, пытающихся отгородиться от взрослого мира.

Ольга сидела на кровати, сжавшись в комок. Её колени были притянуты к подбородку, а взгляд прикован к двери. Когда она увидела меня, она вздрогнула и отпрянула к самой стене.

— Мама, уходи... — прошептала она. — Папа сказал, тебе нельзя... ты расстраиваешься.

Я опустилась на колени перед кроватью. Я не протягивала к ней руки — знала, что сейчас любое прикосновение может её напугать. Я просто смотрела на неё.

— Оля, посмотри на меня. Не на платье, не на грязь на лице. Посмотри в мои глаза. Ты ведь знаешь, когда я вру. Мы с тобой всегда знали.

Она медленно подняла голову. В свете лампы её лицо казалось совсем маленьким, беззащитным.

— Папа говорит, ты видишь то, чего нет. Про подвалы... про дьявола... — её голос дрожал. — Мам, ты правда заболела? Как бабушка?

В этом был его главный удар. Моя мать действительно страдала от деменции в последние годы, и Глеб мастерски использовал этот страх.

— Оля, я не видела дьявола в рогах. Я видела человека, который обманывал нас тринадцать лет. И подвал — он су-

ществует. Там висят мои фотографии. Ты ведь сама рисовала глаз в раме зеркала, помнишь? Ты чувствовала, что с ним что-то не так.

Ольга замерла. Её дыхание стало ровным. Она долго всматривалась в моё лицо, словно реставратор, пытающийся отличить оригинал от искусной копии. А потом она сделала то, чего я не ожидала. Она запустила руку под подушку и вытащила свой альбом для набросков. Тот самый, который она всегда прятала от всех, даже от меня.

— Я не только зеркало рисовала, — тихо сказала она. — Я рисовала её.

Она открыла альбом и протянула его мне.

Я взяла его в руки. Пальцы мелко дрожали, переворачивая страницы. И с каждой страницей моё сердце пропускало удар.

Это была Карина.

Это были не просто детские рисунки. Это были анатомически точные, безжалостные портреты. Карина в профиль, смеющаяся. Карина, поправляющая волосы. Карина, стоящая на нашей кухне в луче утреннего света. Рисунки были сделаны карандашом, но в некоторых местах Ольга добавила цвет — те самые губы, «винная роза», выделялись на серой бумаге как открытые раны.

— Оля... откуда? — выдохнула я. — Ты ведь никогда её не видела. Ты только сегодня...

— Я видела её.... мам, — Ольга обхватила себя руками.

— Полгода назад. Я зашла в гостиную, когда ты была в мастерской, а папа думал, что я ушла в школу. Но я забыла кроссовки и вернулась. Там была она. Она сидела на диване и пила из твоей чашки.

— Почему ты не сказала мне? — я смотрела на дату под рисунком. Сентябрь. Еще тогда Глеб приводил её в наш дом.

— Я боялась, — по щеке дочери покатилась слеза. — Папа увидел, что я смотрю. Он подошел и сказал, что это просто «игра света». Что у меня слишком богатое воображение. А потом он начал давать мне те таблетки... ну, витамины, помнишь? После них в голове становилось всё как в тумане. Я думала, что я тоже схожу с ума. Как ты.

Я закрыла альбом. Внутри меня поднялась такая волна ярости, что, казалось, она может испепелить этот дом. Он травил собственного ребенка. Он глушил её интуицию таблетками, чтобы она не видела его грязи.

— Папа приводил её сюда много раз, — продолжала Ольга, её голос окреп. — Когда ты задерживалась у заказчиков. Они шептались в кабинете. Я слышала, как она смеялась над твоими «деревяшками». И про наследство... Она говорила, что «старик Савва подготовил жирный куш».

Я прижала альбом к груди. Вот она, моя улика. Настоящая, осязаемая. Рисунки ребенка, который не мог знать внешность любовницы отца, если бы не видел её на самом деле. Это не «галлюцинации сумасшедшей матери». Это хроника преступления, задокументированная его собственной

дочерью.

— Оля, послушай меня внимательно, — я взяла её за руки. Теперь она не отстранилась. Её ладони были ледяными, но пальцы крепко сжали мои. — Папа хочет завтра увезти меня в больницу. Он хочет забрать твои рисунки и сказать, что мы обе больны. Мы не можем здесь оставаться.

— Он запер дверь, — прошептала Ольга. — Я слышала, как он сменил код.

— Я знаю. Но я найду способ. Ты мне веришь?

Ольга посмотрела на альбом в моих руках. Потом на меня. В её взгляде наконец-то появилась та решимость, которая всегда была моей сильной стороной. Наша кровь. Кровь Саввы Якимова. Мы не жертвы. Мы — мастера.

— Верю, — сказала она. — Мам, забери альбом. Спрячь его. Если он его найдет — сожжет.

Снаружи, в коридоре, раздались шаги. Тяжелые, размеренные. Глеб шел проверять территорию.

— Наташа? Ты где? — его голос звучал пугающе ласково. — Выходи, не пугай ребенка. Тебе нужно выпить успокоительное.

Я быстро засунула альбом под подол платья, за пояс. Твердый картон больно уперся в ребра, но это была самая сладкая боль в моей жизни.

— Я здесь, Глеб, — крикнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Попрощалась с Олей. Ей нужно спать.

Я вышла из комнаты, аккуратно прикрыв дверь. Глеб сто-

ял в коридоре, прислонившись к косяку. Он внимательно посмотрел на меня, его взгляд скользнул по моей фигуре, но он не заметил ничего необычного. Для него я всё еще была раздавленной, сломленной женщиной.

— Вот и молодец, — он сделал шаг навстречу, протягивая мне стакан с водой. — Выпей это. Тебе станет легче.

Я посмотрела на прозрачную жидкость. «Витамины». Тот же туман, который он подливал нашей дочери.

— Спасибо, Глеб, — я взяла стакан. — Ты такой заботливый.

Я прошла мимо него в гостиную. Зеркало под простыней в углу комнаты словно пульсировало. Глеб шел следом за мной, как конвоир.

— Я прилягу здесь, на диване, — сказала я, опускаясь на подушки.

— Как хочешь, — Глеб пожал плечами. — Главное — спи. Завтра будет долгий день. Всё наладится, Наташ. Увидишь. Ты просто проснешься в другом месте, где о тебе позаботятся.

Он выключил основной свет, оставив только слабую подсветку в коридоре. Я слышала, как он ушел в спальню, как скрипнула кровать — та самая, где еще час назад лежала Карина.

Я лежала в темноте, сжимая под платьем альбом Ольги. Каждый штрих карандаша на его страницах был моим патроном в обойме. Глеб думал, что он — сценарист этой драмы.

Он думал, что альбом дочери — это просто детские каракули, которые можно игнорировать.

Он не знал, что это — мой обвинительный акт.

Я ждала. Слушала его дыхание, ставшее со временем тяжелым и ровным. Слушала, как за окном январский ветер швыряет пригоршни колючего снега в стекло.

Глеб считал, что запер меня в аду. Он не понимал, что для реставратора ад — это всего лишь место, где нужно работать в два раза усерднее, чтобы вернуть миру его истинное лицо.

Мы уйдем сегодня. И я заберу с собой не только дочь, но и правду, которую он так старательно замазывал все эти тринадцать лет.

Я приподнялась на диване, нащупывая в кармане пальто, которое так и не сняла, ключ-змею. Пора было открывать последнюю дверь. И на этот раз я не собиралась оставлять Глебу ни единого шанса на реставрацию его собственной лжи.

Глава 10

Свет в коридоре не просто мигал — он пульсировал с частотой, от которой внутри черепной коробки начинал вращаться тяжелый свинцовый шар. Глеб называл это «неполадками с проводкой», но я, лежа на диване и вцепившись пальцами в обивку, кожей чувствовала: это не случайность. Это математически выверенная атака. Стробоскопический эффект, призванный расшатать психику, вызвать тошноту и первобытный ужас.

В углах гостиной скрежетало. Тихий, вкрадчивый звук, похожий на шепот тысячи насекомых, доносился из-за плинтусов. Глеб думал, что я слышу голоса демонов. Но я слышала плохую акустику. Как реставратор, я знала конструкцию наших стен: пустоты в сталинских перекрытиях работали как резонаторы. Он просто спрятал там дешевые динамики, транслирующие белый шум, смешанный с инфразвуком.

Под подушкой дивана лежал альбом Ольги. Его твердые края впились мне в предплечье, и эта боль была моим единственным якорем в океане рукотворного безумия.

Дверь спальни открылась с негромким стоном. Я мгновенно расслабила тело, приоткрыла рот и сделала дыхание тяжелым, имитируя глубокий сон под действием «витаминов», которыми он меня потчевал.

Шаги Глеба были почти бесшумными. Он подошел к ди-

вану. Я чувствовала его присутствие как зону пониженного давления. От него пахло дорогим табаком, виски и той самой горькой полынью, которая теперь пропитала каждую вещь в этом доме.

Он наклонился так низко, что я почувствовала кожей его ледяное дыхание. Его пальцы, сухие и длинные, коснулись моей щеки, медленно очертили скулу и замерли возле уха. В этот момент мне стоило колоссальных усилий не вздрогнуть, не закричать, не вонзить ему в глаз тот самый ключ-змею, который я до боли сжимала в кармане.

— Спи, моя хорошая, — прошептал он, и голос его вибрировал от какого-то извращенного удовлетворения. — Спи. Завтра ты проснешься в мире, где больше нет острых углов. Где врачи будут улыбаться тебе и мягко забирать твои кошмары. Ты так устала нести это наследство, Наташа. Пора его сбросить.

Он поправил на мне плед. Это движение было не жестом заботы, а жестом упаковщика, который накрывает пленкой ценный груз перед отправкой на склад. Он был уверен в своей победе. Для него я уже перестала быть живой женщиной — я превратилась в документ, в подпись, в цифру на счету.

Глеб выпрямился, и я услышала, как он отошел к зеркалу. Скрипнула амальгама — он коснулся рамы. Послышался сухой щелчок: он выключил один из приборов. Скрежет за стенами стал тише, перейдя в ультразвуковой писк, от которого заломило зубы.

Потом его шаги удалились в сторону спальни. Щелкнул выключатель в коридоре, и воцарилась относительная тишина, нарушаемая только завыванием ветра в вентиляции.

Я пролежала неподвижно еще минут двадцать, считая удары собственного сердца. Раз, два, три... На сто тринадцатом ударе я открыла глаза.

В гостиной царил мертвенно-бледный полумрак. Снег за окном отражал свет фонарей, заливая комнату призрачным сиянием. Я села на диване. Тело затекло, ребра ныли от впившегося в них альбома Ольги. Я аккуратно вытащила его и переложила в свой холщовый рюкзак, который заранее спрятала за диваном. Туда же отправилась папка «Проект Наталья» и мой рабочий нож для вскрытия лака.

Я поднялась. Каждый звук казался мне грохотом обвала. Скрип паркета под босой ногой — выстрелом. Я натянула шерстяные носки, обула сапоги, стараясь не задевать подошвой пол.

В комнате Ольги было тихо. Я приоткрыла дверь. Дочь сидела на полу, уже одетая в куртку, с рюкзаком на плечах. Её глаза в темноте светились решимостью. Она не была напуганной девочкой — в этот момент она была моим маленьким подмастерьем, готовым к самой сложной работе.

— Идем? — одними губами спросила она.

Я кивнула. Мы вышли в коридор. Дверь в спальню Глеба была приоткрыта. Оттуда доносилось ровное, глубокое дыхание хищника, который уверен, что добыча надежно запер-

та.

Мы прокрались на кухню. Главный вход был заблокирован электронным кодом, который Глеб сменил со своего смартфона. Но Глеб, при всей его гениальности манипулятора, совершил одну ошибку: он не был реставратором. Он видел в этом доме только современный функционал, я же видела его историю.

В углу кухни, за высоким пеналом с крупами, скрывалась старая дверь — черный ход для прислуги, который в сталинках часто зашивали гипсокартоном или просто закрашивали десятилетиями. Пять лет назад, когда мы делали ремонт, я сама настояла на том, чтобы оставить эту дверь. Я очистила её от слоев масляной краски, восстановила петли и смазала их, а потом закрыла её декоративной панелью. Глеб тогда только посмеялся: «Твои антикварные причуды, Наташ. Кому нужна эта рухлядь?»

Теперь эта «рухлядь» была нашим единственным шансом. Я отодвинула панель. Сердце колотилось так, что казалось, оно вот-вот пробьет грудную клетку. Я достала мастихин — тонкий стальной шпатель — и вставила его в щель между дверью и косяком. Слой лака, который я сама нанесла, поддался с тихим, едва слышным хрустом.

Я надавила на засов. Металл заскрежетал. Я замерла, прижав ухо к стене. Тишина в спальне Глеба не изменилась. Он спал, убаюканный собственной самоуверенностью.

Дверь открылась, пахло холодом черной лестницы —

там всегда было на десять градусов холоднее, чем в квартире. Мы выскользнули наружу. Я аккуратно притянула дверь за собой. Засов щелкнул, отрезая нас от тринадцати лет моей жизни.

Черная лестница была погружена во тьму. Мы спускались наощупь, придерживаясь за облупившиеся перила. Каждый шаг отдавался в ушах как гул колокола. На первом этаже мы вышли через узкую служебную дверь прямо во внутренний двор.

Январь тут же ударил в лицо пригоршней колючего снега. Метель разыгралась не шутку, заметая следы и превращая двор в лабиринт из белых призраков. Мой телефон остался на диване — я знала, что Глеб может отследить меня через приложение «Найти айфон». Теперь мы были вне радаров.

— Мама, куда мы? — прошептала Ольга, кутаясь в воротник.

— К единственному человеку, который помнит Савву Якимова так же хорошо, как я. К Светлане.

Мы вышли со двора на проспект. Машин было мало — глубокая ночь, город погрузился в тяжелый зимний сон. Я подняла руку. Спустя бесконечные пять минут у обочины притормозило старое такси с разбитой фарой.

— На Котельническую, — сказала я водителю, садясь на заднее сиденье и прижимая к себе Ольгу.

Водитель, пожилой мужчина в кепке, подозрительно посмотрел на нас в зеркало заднего вида. Нарядная женщина в

разорванном платье под распахнутым пальто и бледный подросток с рюкзаком — мы выглядели как беженцы из зоны бедствия.

— Проблемы, хозяйка? — спросил он, трогаясь с места.

— Реставрация не задалась, — ответила я, глядя в окно на пролетающие мимо огни. — Бывает так: снимаешь слой лака, а под ним — пустота.

Он ничего не ответил, только прибавил газу. Город за стеклом казался мне теперь огромным зеркальным лабиринтом Глеба. В каждом отражении витрины, в каждом блике на обледелом асфальте мне мерещилась его тень. Я знала, что как только он проснется и увидит пустой диван, начнется охота. Но сейчас у меня была фора в несколько часов.

Высотка на Котельнической набережной выросла из метели как готическая крепость. Здесь, в одной из квартир, жила Светлана Якимова. Дальняя родственница моего деда, женщина, которую Глеб всегда называл «старой сумасшедшей аристократкой» и запрещал мне с ней общаться. Теперь я понимала почему. Глеб боялся всех, кто знал истинную цену фамилии Якимовых.

Мы поднялись на лифте на десятый этаж. Я нажала на кнопку звонка. Долго, требовательно.

За дверью послышались шаги. Щелкнула цепочка. Дверь открылась, и в проеме появилась Светлана. Ей было за семьдесят, но в её осанке и ледяном взгляде серых глаз было больше жизни, чем в десятке Карин. На ней был тяжелый

бархатный халат, а в руке она сжимала... револьвер. Старый, явно антикварный, но выглядящий вполне рабочим.

— Наташа? — она опустила оружие, и её лицо, изрезанное морщинами, как качественный кракелюр, на мгновение дрогнуло. — Савва всегда говорил, что ты придешь ночью. Он говорил: «Света, когда зеркала в доме начнут лгать, жди Наталью. Она придет за правдой».

— Глеб... он... — я не смогла закончить фразу. Горло перехватило судорогой.

Светлана отодвинулась, пропуская нас внутрь. Прихожая её квартиры была забита антиквариатом: картины в тяжелых рамах, бронзовые статуи, запах старой бумаги и дорогого табака. Это был мир моего деда. Мой настоящий мир.

— Я знаю, кто такой Глеб, дорогая, — Светлана закрыла дверь на три оборота. — Заходи. Оленька, на кухне есть горячий шоколад и печенье. А нам с твоей матерью нужно вскрыть один старый сейф.

Я прошла в гостиную и бессильно опустилась в глубокое кресло. Светлана подошла к массивному бюро, достала бутылку коньяка и плеснула в два бокала.

— Пей, — скомандовала она. — Тебе нужно согреть кровь. Завтра Глеб поднимет на ноги всех своих ищеек. Он будет искать «сумасшедшую жену», которая похитила ребенка. Но он забыл, что фамилия Якимовых в этом городе значит гораздо больше, чем его дутые миллионы.

Я сделала глоток. Обжигающая жидкость прошла по пи-

щеводу, возвращая мне способность мыслить. Я достала из рюкзака папку и альбом Ольги.

— Он всё просчитал, Светлана. Психушка, опека, наследство... У него на руках мои поддельные подписи.

Светлана взяла альбом Ольги, пролистала несколько страниц с портретами Карины и горько усмехнулась.

— Глеб — талантливый имитатор. Но он совершил классическую ошибку всех «дьяволов»: он поверил, что человек — это просто набор биологических реакций. Он не учел талант. Твоя дочь — Якимова до мозга костей. Она зафиксировала его ложь графически. Это сильнее любых справок.

Она подошла к окну и посмотрела на заснеженную набережную.

— Этой ночью ты сожгла мосты, Наташа. Завтра Глеб проснется и обнаружит, что его «ресурс» превратился в пожар, который уничтожит всё его зазеркалье. Мы начнем завтра. А сейчас — спи. В этом доме зеркала умеют хранить тайны, а не воровать их.

Я закрыла глаза. Впервые за тринадцать лет я не чувствовала запаха полыни. Только аромат старого дерева и надежды. Я засыпала, зная, что моя настоящая реставрация только началась. И на этот раз я не оставлю на холсте ни одного следа Глеба Данилова.

Мой тринадцатый год стал годом моего освобождения. И дьяволу пора было готовиться к встрече с настоящим мастером.

Глава 11

Когда за спиной захлопнулась массивная, обитая дубовыми панелями дверь квартиры Светланы, меня накрыло. Адреналин, который последние несколько часов гнал меня сквозь метель, подвалы и чужие пентхаусы, испарился, оставив после себя выжженную пустыню.

— Мама? — голос Оли прозвучал глухо, словно через слой ваты.

Она стояла в прихожей, не снимая рюкзака, и её маленькая фигурка на фоне тяжелых бархатных портьер и бесконечных стеллажей с книгами казалась почти прозрачной. Я видела, как её бледное лицо начинает подергиваться, губы кривятся. Она держалась до последнего, но сейчас, в безопасности, плотина рухнула.

Светлана Якимова не стала тратить время на пустые утешения. Она твердым шагом подошла к Оле, взяла её за плечи и отвела в сторону кухни.

— Горячий шоколад, Оленька. С чили и корицей, как любил твой прадед. И плед. В этой квартире сквозит из всех щелей истории, — голос Светланы был сухим, как треск старых дров в камине, но в нем слышалась та властная надежность, которой мне сейчас так не хватало.

Я осталась в прихожей одна. Ноги подкосились. Я сползла по стене, чувствуя, как холодный паркет обжигает бед-

ра сквозь тонкую ткань платья. Меня затрясло. Это не был обычный озноб — это была термическая реакция древесины. В реставрации есть такое понятие: если вещь слишком долго пробыла на морозе, её нельзя сразу заносить в тепло. Волокна не выдержат. Они начнут рваться, дерево застонет, пойдет глубокими, неустранимыми трещинами.

Я и была этим деревом. Тринадцать лет Глеб держал меня в искусственном климате, под колпаком своей заботы, а сегодня ночью выставил на ледяной ветер правды. И теперь, в тепле квартиры Светланы, я чувствовала, как внутри меня что-то рвется со звонким, невыносимым хрустом.

— Вставай, Наталья. Не смей оседать прахом на моем полу.

Светлана вернулась. Она смотрела на меня сверху вниз, и в её серых глазах, обрамленных сетью тончайших морщин, не было жалости. Только требовательность.

— Посмотри на свои руки, — приказала она.

я подняла ладони. Они были перепачканы в черной пыли подвала, в едком лаке, который я смывала с зеркала, в копотии январской ночи. Под ногтями чернела грязь.

— Иди в ванную. Смой с себя этот морок. Ты пахнешь его страхом, а в моем доме этот запах не приветствуется.

Я подчинилась. В ванной комнате Светланы, отделанной потемневшим от времени мрамором и латунию, я долго терла руки жесткой щеткой. Кожа покраснела, горела, но мне казалось, что эта грязь въелась глубже — в поры, в капилля-

ры, в самую суть моего естества. Я посмотрела в зеркало над раковиной.

Оно было честным. Не тем дьявольским порталом из нашей гостиной, а старым венецианским стеклом с легкой патиной по краям. Из него на меня смотрела женщина, которую я не знала. Растрепанные волосы, размазанная тушь, искусанные в кровь губы. И взгляд... взгляд человека, который за одну ночь постарел на десятилетие.

— Отреставрирую, — прошептала я, вцепляясь пальцами в край раковины. — Я отреставрирую это всё. Слои за слоем.

Внезапно меня пронзила мысль: телефон! Я оставила свой телефон дома, на диване в гостиной. Сначала пришло облегчение — он не сможет меня отследить. Но следом за ним — парализующий ужас. Я осталась без связи. Без возможности позвонить, без доступа к картам, без защиты. Мне казалось, что прямо сейчас Глеб стоит там, в нашей сталинке, смотрит на пустой диван и улыбается своей холодной, расчетливой улыбкой. Он знает все мои ходы. Он знает, что мне некуда идти, кроме как к Светлане.

Я выскочила из ванной.

— Светлана! Он найдет нас! Он знает, что я здесь!

Светлана сидела в гостиной в массивном кресле с высокой спинкой. На столике перед ней лежала моя папка из подвала и альбом Оли. Она неторопливо раскуривала длинную тонкую сигарету.

— Сядь, — бросила она, выпуская струю дыма. — Твой

Глеб сейчас слишком занят тем, что пытается придумать, как объяснить Карине исчезновение «ресурса». Он самоуверен, Наталья. Это его главная трещина. Он верит, что полностью разрушил твою волю. Для него ты — сломанная кукла, которая не может сделать и шага без его ниточек.

Она протянула мне стопку одежды.

— Переоденься. Это вещи твоего деда. Савва всегда говорил, что ткань хранит память о силе. Тебе сейчас нужно что-то покрепче твоего бургундского шелка.

Я надела тяжелую фланелевую рубашку Саввы Якимова. Она была мне велика, пахла табаком и старой мастерской, но, как ни странно, в ней я почувствовала себя защищенной. Словно дед, которого я не видела много лет, положил мне руку на плечо.

— Савва знал, — тихо сказала я, присаживаясь напротив Светланы. — Он знал, что этот день придет. Почему он не предупредил меня прямо?

— Он предупредил, — Светлана стряхнула пепел в хрустальную пепельницу. — Пункт в завещании о тринадцати годах брака — это не блажь старика. Это был фильтр. Он надеялся, что за этот срок Глеб либо сорвется, либо ты прозреешь. Савва понимал: если Глеб продержится тринадцать лет, значит, его цель — не ты, а то, что стоит за твоей спиной. Твое наследство.

Она постучала пальцем по папке из подвала.

— Ты знаешь, что здесь?

— Финансовые отчеты. Какие-то счета в Люксембурге. Мои фотографии...

— Здесь сценарий, Наталья. Глеб — не просто изменник. Он — оператор твоего уничтожения. Фонд Богдановых, который здесь упоминается, — это группа стервятников, которые скупают антикварные дома по всей Европе, доводя владельцев до безумия или нищеты. Глеб был их «агентом внедрения». Он женился на тебе, чтобы получить юридический доступ к активам Якимовых, когда придет срок. Но по условиям траста, он может управлять всем единолично только в одном случае: если законная наследница признана недееспособной.

Холод в животе превратился в ледяной ком.

— Значит... всё это время... каждое его «я люблю тебя», каждое утро...

— Было инвестицией, — отрезала Светлана. — Он вкладывал время, чтобы получить сверхприбыль. Ему нужно было, чтобы ты сама начала верить в свое безумие. Зеркала, инфразвук, лекарства в чае — он плавно подводил тебя к черте. Если бы ты сегодня не ушла, завтра ты бы уже не смогла отличить день от ночи.

Я взяла в руки альбом Ольги. Пролистала страницы. Лицо Карины на рисунках дочери выглядело как обвинительный приговор моей слепоте.

— Он недооценил Олю, — прошептала я. — Он думал, что она просто ребенок.

— Он недооценил кровь, — Светлана наклонилась вперед. — Якимовы всегда видели больше других. Ты — реставратор. Ты восстанавливаешь структуру. Твоя дочь — художник. Она фиксирует суть. Глеб пытался закрасить реальность, но вы обе начали скрести его «шедевр» с разных сторон.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором стояла картина: Глеб и Карина в нашей спальне. Зеркальный лабиринт. Запах полыни. Моя жизнь, разобранный на части и разложенная на чужих простынях.

— Я уничтожу его, Светлана. Слои за слоем. Я не оставлю от него даже воспоминания.

— Хорошие слова, — одобрила она. — Но месть — это тоже реставрация. Нужны инструменты. Нужен план. И нужны союзники. Твой Глеб думает, что он стер твою личность. Давай докажем ему, что он всего лишь нанес дешевую грунтовку на первоклассный холст.

Я поднялась и подошла к огромному зеркалу в золоченой раме, стоявшему в прихожей Светланы. Я больше не боялась его. Я видела в нем женщину в огромной мужской рубашке, с бледным лицом и решительно сжатыми губами.

Я взяла со столика Светланы портняжные ножницы. Одним резким движением я отхватила прядь волос, испачканную в том вязком, пахнущем полынью лаке из подвала. Затем еще одну. Я стригла себя неровно, рвано, счищая вместе с волосами всё то, что Глеб во мне «культивировал».

Я умылась ледяной водой. Остатки макияжа, грязь ночи, маска покорности — всё стекало в раковину серыми струями. Когда я выпрямилась, на меня смотрела Наталья Якимова. Реставратор. Внучка Саввы. Женщина, которая только что объявила войну дьяволу.

Рассвет над набережной был серым и холодным. Метель утихла, оставив город погребенным под чистым, хрустящим снегом. Я смотрела, как розовое сияние касается шпиля высотки, и чувствовала странную, звенящую пустоту внутри. Это была пустота подготовленного холста.

Я подошла к столу, где лежал телефон Ольги. Мои пальцы не дрожали. Я набрала номер, который Глеб заставлял меня забыть, называя этого человека «шарлатаном» и «врагом семьи».

Станислав Семенов. Нотариус моего деда. Человек, который хранил оригиналы всех документов Якимовых.

Трубку сняли после второго гудка. Голос на том конце был бодрым и сухим, несмотря на ранний час.

— Слушаю.

— Станислав Алексеевич? Это Наталья. Внучка Саввы Якимова.

На том конце воцарилась тишина. Я почти слышала, как в голове старого юриста проворачиваются шестеренки.

— Наталья... — его голос стал тише. — Я ждал вашего звонка тринадцать лет. Савва сказал: «Стас, она позвонит, когда в её доме перестанут тикать часы».

Я посмотрела на свои наручные часы. Они остановились вчера в 13:13, когда я впервые коснулась зеркала Глеба.

— Они перестали тикать, Станислав Алексеевич. И зеркала в моем доме начали лгать. Мне нужна ваша помощь. Срок по трасту истекает завтра, и мой муж планирует встретить этот день в качестве моего опекуна.

— У него ничего не выйдет, Наталья, — в голосе Семенова прорезался металл. — Если вы на свободе и вы в здравом уме, Глеб Данилов — всего лишь пыль на сапогах истории вашего рода. Где вы?

— Я у Светланы. В высотке.

— Ждите. Я буду через час. И, Наталья...ключ в форме змеи...у Вас? Берегите его. . Это не просто украшение. Это доступ к тому, что Глеб так и не смог вскрыть за все эти годы.

Я положила телефон на стол. Усталость навалилась на меня свинцовой плитой, но я не позволила себе закрыть глаза. Я взяла ключ-Уроборос. Змея, кусающая себя за хвост. Цикл замкнулся.

Я подошла к спящей Ольге, поправила плед. Моя дочь дышала ровно и спокойно. Глеб думал, что он украл её у меня, напугав моими «видениями». Он не знал, что её рисунки — это самый надежный фундамент для нашей новой крепости.

Я посмотрела на восходящее солнце. Завтра Глеб проснется и обнаружит, что его «идеальная жена» исчезла. А на её месте появилась та, кто знает цену каждого микрона его лжи. Женщина, которая больше не боится дьявола, по-

тому что она сама только что вышла из ада с его личными ключами в руках.

Реставрация началась. И на этот раз я не оставлю на холсте ни одного следа Глеба Данилова. Я выжгу его из нашей истории каленым железом правды.

Я сделала глоток остывшего чая. Вкус полыни исчез. Остался только вкус железа и холодной январской зари. Глава моей жизни под названием «Жена Глеба» была закончена.

Следующая глава называлась «Возмездие». И я собиралась написать её каллиграфически безупречно.

Глава 12(Глеб)

(от лица Глеба)

Четырнадцатое января встретило меня идеальной, стерильной тишиной. Я открыл глаза и несколько секунд просто смотрел в потолок, наслаждаясь моментом абсолютного триумфа. Срок истек. Тринадцатилетний цикл, этот изматывающий марафон по закрашиванию собственной сути, был завершен. Больше не нужно было сутулиться, изображая усталость от офисной рутины, не нужно было подбирать слова, чтобы казаться «надежным Глебом», не нужно было симулировать интерес к восстановлению тухлых комодов.

Я сел в кровати, чувствуя, как внутри расправляется пружина, сжатая долгих тринадцать лет. В теле была непривычная легкость — так чувствует себя человек, сбросивший тяжелый, пропитанный потом гидрокостюм.

Рядом зашевелилась Карина. Она спала, разметав золотистые волосы по моим подушкам. На её шее, в ложбинке между ключицами, тускло мерцало кольцо Саввы Якимова. Оно смотрелось на ней органично, как и положено дорогому трофею на шее победительницы. Карина была понятной. В ней не было той «глубины» и «духовности», которую так ценила Наталья и которая под конец нашего брака вызывала у меня лишь холодное раздражение. Карина была инструментом, новым, блестящим и лишенным памяти.

Я поднялся, накинул шелковый халат и подошел к окну. Январское утро было серым, как пепел, но для меня оно сияло ярче любого летнего полудня. Город за стеклом казался мне теперь огромным игровым полем, где все фигуры были расставлены согласно моему плану.

— Пора закрывать счета, — прошептал я своему отражению.

В гостиной всё еще пахло полынью. Этот запах, который я использовал как триггер для Натальи, теперь казался мне приторным, как запах дешевых духов в морге. Я ожидал увидеть её там. Ожидал найти её на диване — раздавленную, накачанную моими «витаминами», со взглядом, устремленным в пустоту. Она должна была быть там, готовая к погружению в «Тихую пристань».

Но диван был пуст.

Плед был аккуратно сложен — старая привычка Натальи доводить всё до абсурдного порядка даже в шаге от безумия. В центре подушки лежал её телефон. Тонкий черный прямоугольник выглядел как надгробный камень над её старой жизнью.

Я замер. Мой мозг, этот безупречный компьютер, выдал короткий сигнал сбоя.

Я подошел и взял телефон. Он был выключен. Она оставила его специально. Это был не просто уход — это был жест. Она знала, что я могу отследить её по геолокации. Она знала, как я работаю.

— Оля? — мой голос прозвучал в пустой гостиной неожиданно резко.

Я рванул дверь в детскую. Кровать была заправлена, рюкзак, который обычно валялся у порога, исчез. Комната была мертвой. Пустой. Лишенной того беспорядка, который я так ненавидел.

В груди шевельнулось что-то холодное и острое. Это не был страх. Я не умел бояться. Это была ярость хищника, обнаружившего, что его добыча, которую он считал связанной и парализованной, уползла из капкана.

— Как? — выдохнул я, возвращаясь в прихожую.

Я проверил входную дверь. Электронный замок светился синим. Я открыл лог посещений на своем смартфоне. Последнее открытие — 19:45 вчерашнего вечера, когда мы с Кариной вошли в квартиру. После этого дверь не открывалась. Окна? Первый этаж, решетки, датчики движения — система не срабатывала.

Я чувствовал, как внутри закипает ледяной гнев. Я не проигрывал. Глеб Данилов не мог проиграть женщине, которую он сам же и «сконструировал».

Я прошел на кухню, оглядываясь по сторонам, словно ожидал увидеть её, прячущуюся за шторами. И тут мой взгляд упал на высокий пенал с крупами в углу. Он стоял не под тем углом. Буквально на пару сантиметров левее, чем обычно.

Я рванул шкаф на себя. Пакеты с рисом и чечевицей по-

сыпались на пол, но мне было плевать. За задней стенкой шкафа, там, где должна была быть глухая стена сталинки, чернел проем.

Старая дверь. Та самая «черная лестница», о которой она твердила пять лет назад во время ремонта. Я тогда отмахнулся, считая это её очередной антикварной блажью. Я был уверен, что зашил эту дверь намертво, что она превратилась в часть стены, в декорацию.

Наталья использовала против меня мою собственную невнимательность к «хламу». Она знала структуру этого дома лучше меня. Она ушла через дыру в моей реальности, которую я сам ей позволил оставить.

— Дрянь, — я ударил кулаком по косяку.

Боль отрезвила. Я не стал тратить время на проклятия. Мне нужно было проверить главное. Если она ушла, она могла забрать «багаж».

Я выскочил из квартиры и почти бегом спустился на черную лестницу. Там было холодно и пахло подвалом. Служебная дверь во двор была приоткрыта — замок был вскрыт аккуратно, почти нежно, профессиональным инструментом.

Я спустился в техподполье. Мой фонарь разрезал тьму, выхватывая бетонные стены и узлы труб. Когда я дошел до двери в свой архив, моё сердце — этот кусок льда — пропустило удар.

Дверь была открыта.

Я вошел внутрь. Моя «комната дьявола», мой святая свя-

тых, мой тринадцатилетний труд... В центре комнаты на полу валялся вскрытый ящик с моими инструментами. Моё «двойное дно» было выпотрошено.

Пропала кожаная папка. Оригинал контракта с Фондом Богдановых. Документы на офшоры.

И самое страшное — исчез ключ-Уроборос.

Я опустился на стул, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Это было не просто бегство. Это был грабеж. Наталья не просто ушла — она забрала ключи от моей империи. Она забрала то, что связывало меня с моими нанимателями. Без этой папки я был не «партнером», а расходным материалом, допустившим утечку.

Я закрыл глаза, пытаюсь подавить дрожь в руках. Она не могла этого сделать. Моя тихая, покорная Наталья, которая плакала над каждой трещиной на старом стуле... Она превратилась в воровку. В хищницу.

— Ты недооценил материал, Глеб, — прошептал я себе её же словами из вчерашнего вечера.

Ярость сменилась ледяным, расчетливым холодом. Я поднялся, вышел из подвала и вернулся в квартиру.

Карина уже встала. Она сидела на кухне, брезгливо перешагивая через рассыпанную крупу, и пыталась сварить кофе.

— Глеб, что происходит? Где эта твоя... и почему тут такой бардак?

Я прошел мимо неё, даже не взглянув. В этот момент она раздражала меня так же сильно, как Наталья в свои худшие

дни. Она была свидетелем моего позора.

Я достал из сейфа в кабинете другой телефон. Тот, который был для экстренных связей.

— Вадим, — голос мой был ровным, но в нем вибрировала угроза. — Слушай внимательно. Объект тринадцать совершил побег. Она забрала «архив» и Уробороса. Мне плевать, как ты это сделаешь, но к полудню она должна быть найдена. Начни со Светланы Якимовой. Проверь все вокзалы, все камеры в радиусе пяти километров от дома. Она ушла ночью, пешком или на такси. Телефон она оставила.

Я выслушал быстрые оправдания помощника и нажал отбой.

Я прошел в гостиную и остановился перед зеркалом в черной раме. Оно больше не пульсировало. Оно выглядело как обычный, мертвый кусок стекла. Я смотрел на свое отражение. На безупречного мужчину в шелковом халате, чей мир только что дал трещину.

Куда она могла пойти? У неё нет наличных — счета я заблокировал еще вечером. У неё нет телефона. С ней напуганный ребенок. Она — тепличный цветок, который тринадцать лет не принимал ни одного самостоятельного решения.

Она приползет. Обязательно приползет.

Её хватит максимум на три дня. Январь — жестокий месяц для тех, у кого нет крыши над головой и денег на такси. Она поплачет на плече у Светланы, поймет, что мир вне моего «зазеркалья» холоден и равнодушен, и вернется. Вернет-

ся, чтобы просить прощения, чтобы вернуть ребенка в тепло. Но на этот раз условий не будет.

Я чувствовал, как гнев трансформируется в предвкушение. Она сама сделала выбор в пользу открытой войны. Что ж, она её получит.

Я подошел к окну и посмотрел на серую Москву. Метель улеглась, обнажив застывший, обледенелый город.

— Три дня, Наташа, — сказал я, и улыбка, настоящая, дьявольская, наконец-то вернулась на моё лицо. — Я даю тебе три дня свободы. Наслаждайся каждым часом. Пойми, каково это — быть никем в мире, где у тебя нет опекуна. А когда ты поймешь, что этот город принадлежит таким, как я, ты сама вставишь ключ-змею в заветную щель..

Я обернулся к Карине, которая замерла в дверях кухни.

— Свари мне кофе, дорогая. И приготовься. Сегодня мы переезжаем в «Солнцестояние». Эта квартира выполнила свою задачу. Она стала могилой для Натальи Даниловой. А я не люблю проводить время на кладбищах.

Я прошел в спальню, на ходу снимая халат. Впереди был длинный день. День охоты. И я собирался насладиться каждым мгновением преследования.

Наталья думала, что она «мастер», способный найти дефект. Она не понимала, что она сама — всего лишь дефект в моей идеальной схеме. И я исправлю этот дефект. Быстро, жестко и окончательно.

Я надел свежую рубашку, тщательно застегнул запонки.

Посмотрел на часы. 08:00.

Шоу должно продолжаться. Но теперь сценарием владею только я. И в этом сценарии для Натальи предусмотрена только одна роль — роль тени, которая навсегда исчезает в глубине зеркала.

— Три дня, — повторил я, глядя на свое отражение. — Через три дня ты будешь у моих ног, умоляя вернуть тебе хотя бы право на существование.

Я вышел из спальни, не оглядываясь на кровать, где мы тринадцать лет спали вместе. Для меня это место больше не значило ничего. Это был просто изношенный ресурс. А ресурсы, как известно, подлежат своевременной замене.

Моя война началась. И я не сомневался в её исходе. Дьявол всегда забирает своё. И Наталья не станет исключением. Она просто еще не поняла, что её «побег» — это всего лишь длинная леска, которую я скоро начну наматывать на катушку.

Я вышел из квартиры, и звук захлопнувшейся двери отозвался в пустом подъезде финальным аккордом. Первая глава моей старой жизни была закрыта. Впереди была вечность. И она пахла успехом, золотом и кровью тех, кто осмелился встать на моем пути.

Глава 13

Дверной звонок прорезал утреннюю тишину квартиры Светланы ровно через час после моего звонка. На пороге стоял Станислав Семенов. Глеб всегда называл его «старым маразматиком» и «юридическим стервятником», но сейчас, глядя в его умные, цепкие глаза, я поняла: муж боялся его. Боялся так, как мелкий воришка боится следователя по особо важным делам.

— Чаю, Станислав? — Светлана кивнула на кухню.

— Дела прежде чая, Света, — он прошел в гостиную, не снимая пальто. — Наталья, покажите мне его.

Я вытащила из кармана ключ-змею. В хо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.